

Op 193
C 28

173)

И. СЕКЕРЖ

БУГУРУСЛАН

Чкаловское областное издательство
1939

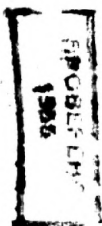
Н. СЕКЕРЖ

Op 193

C 28

БУГУРУСЛАН

1945

Чкаловская
областная библиотека
эбонимент № _____

Чкаловское областное издательство

1939

Содержание

Из истории города Бугуруслана	3
Бугуруслан в годы гражданской войны	20
Настоящее Бугуруслана	48
Будущее Бугуруслана	66
Буровой мастер	77
Начальник буровой	84
Доктор Фиалков	86
Народная учительница	92
Семья	109

Редактор *А. Борисов*. Техред *В. Касьянчук*. Корректоры: *Е. Савинова, М. Гагаев*. Сдано в набор 15/XI-39 г. Подп. к печати 29/XI-39 г. Форм. 60x92/32. П. л. 3,75. Б. л. 1,875. Авт. л. 4,37. Уч.-изд. л. 4,8. В п. л. 51200 зн. Тираж 5000. Зак. изд-ва № 54. Уполн. облита № 17312. Тип. изд-ва „Чкаловская Коммуна“. Зак. № 8818.

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДА БУГУРУСЛАНА

Поезд останавливается на станции. Из окон вагона видно приземистое здание вокзала. По перрону, с чемоданами и корзинками, спешат пассажиры. Резко бьет колокол; человек в красной фуражке машет флажком; протяжный паровозный рев виснет в морозном воздухе. Вздрагивая на стыках, поезд уходит в Куйбышев. А через несколько минут прибывает товарный состав из Уфы.

Станция Бугуруслан стоит на железнодорожной линии, соединяющей Уфу с Куйбышевым. Расстояние от Бугуруслана до областного центра—Чкалова — по железной дороге 516 км, по прямой — около 240 км.

Город при постройке дороги остался несколько в стороне, и сейчас от вокзала его отделяют три километра.

Дорога, извиваясь по холмистому полю, ныряет в лощинки, взбирается на занесенные снегом высоты, пролегает вдоль рощи.

Скованная льдом, спит река Кинель, по широкому деревянному мосту глухо стучат копыта ко-

ней, поскрипывает промерзлый снег под ногами пешеходов.

Бугуруслан лежит в котловине. Невысокие хребты возвышаются со всех сторон, как края огромной чаши. Несколько лет назад эти горы были пустыни. Вся жизнь сосредоточивалась внизу, среди маленьких домиков.

Сейчас на склонах высот пылают огни. Железные переплеты нефтяных вышек вздымаются к небу. Они, раскинутые на огромном пространстве, кольцом опоясывают город, наиболее тесно сбиваясь на окраине, у реки Кинель, и тянутся далее на город Куйбышев, в окрестности села Степановки.

Всего лишь несколько столетий назад в районе нынешнего Бугуруслана по степям и лесам бродили со своими стадами кочевники.

По свидетельству историков, здесь, начиная с XI века нашей эры, жили башкиры. Они вели кочевую жизнь, только на зиму собираясь в стойбища.

В XIII веке краем овладела монголо-татарская, Золотая орда. Хан Батый с своим трехсоттысячным войском разбил армию болгар, населявших тогда Поволжье, и подчинил себе башкирские племена. В конце XIV века Золото-ордынское ханство терпит поражение от полчищ Тамерлана.

Затем на нынешней территории Бугуруслана кочуют нагайцы, калмыки, живут оседло мордва, чуваша, марийцы и т. д.

О точном времени поселения здесь русских никаких исторических данных нет. Первые сведения о появлении в этом крае русских колонистов относятся к XIV веку.

При царе Федоре начинается строительство небольших крепостей, так называемых «сторож». Под их защитой расселяются мелкие селища, главным образом рыбачьи.

В период 1700—1740 гг. на реках Кинеле и Самаре воздвигаются крепости: Кинель-Черкасская, Сарбайская, Бүзулукская, Тощая, Сорочинская. Они заселяются вывезенными из России крестьянами, отставными солдатами и разными беглыми людьми.

В 1748 г. на ф.р. Кинеле и Турхановке основывается Бугурусланская слобода, первыми жителями которой были (как говорят предания) «неизвестного роду люди Орел, Коток, Казанец и Козел».

В период пугачевского восстания Бугуруслан уже был маленькой крепостью и имел свой гарнизон. Жители ближайших к Бугуруслану населенных пунктов активно поддерживали Пугачева. Даже после его разгрома крестьянские восстания вспыхивали то здесь, то там, и из бугурусланского гарнизона еще долгое время выезжали воинские отряды для подавления их.

В 1781 году Бугурусланская слобода становится уездным городом Уфимского наместничества. В Чкаловском областном архиве сохранился указ, в

котором говорится о гербе, установленном для г. Бугуруслана. Это—«Черная овца в зеленом поле, в знак изобилия оными».¹

В 1802 году Бугуруслан становится уездным городом вновь образованной Оренбургской губернии, а через двадцать лет, в 1822 году, почти полностью уничтожается пожаром.

По описанию оренбургского губернатора Дебу, в 1837 году в городе было: «одна каменная церковь, присутственные места, острог и два обывательских дома каменные, деревянных обывательских домов 360, городских жителей мужеска пола до 900 душ».

О занятиях жителей Бугуруслана тот же Дебу пишет:

«Торговля городеких жителей состоит в обыкновенной продаже шелковых, суконных, бумажных и других товаров и мелочных вещей, в общежитии необходимых, впрочем не малое число мещан занимаются хлебопашеством и скотоводством... В городе Бугуруслане одна семидневная с 1-го сентября ярмарка, куда съезжаются купцы из городов Тулы, Шуй, Самары и ближайших городов, и торг бывает порядочный...».

Обширные пространства, плодородная земля, луга, леса, рыболовные реки и озера привлекают сюда помещиков. Царское правительство щедро одаряет их землями во вновь колонизируемом крае.

---

¹ Указ сената № 15428. 8 июня 1782 года

Крупные помещики Карамзины, Рыжковы, Шелашниковы и другие составили костяк бугурусланской знати. Они вели роскошную жизнь, а крепостное крестьянство изнывало под тяжестью жесточайшей эксплуатации и полного бесправия.

Вскоре в помещичьих имениях возникают промышленные предприятия (винокурни, маслобойки, мельницы, валяльни). Крепостные крестьяне, работавшие на предприятиях, за свой труд получали только так называемую «месячину», т. е. месячный паяк на руки. Что она из себя представляла, можно судить по таким официальным данным: «Жена дворового Вадима Коротяева и бывший староста Додонов утверждали, что не получали совершенно ничего, кроме ржаной муки».

Известен случай, «когда двум крестьянским семьям (Костромичевым и Кроулиным), состоявшим на месячине, за жалобу на помещика была совершенно прекращена выдача всякого довольствия, и женщины и дети из этих семей в это время ходили собирать подаяние».

В 1822 году помещиком Кротковым «женки Прасковья Яковлева, Улита Михайлова и Афикия Зинаева были высланы для жнитва в с. Кротково, за 20 верст. При возвращении домой, от жестоких работ разрешились мертвыми младенцами».

Крестьянство, доведенное беснующей эксплуатацией и бесправным рабским положением до отчаяния, беретса за топоры, вилы, колья и громит помещичьи имения.

На помощь помещикам приходят карательные экспедиции, которые жестоко расправляются с восставшими крестьянами.

В 1822 году помещик Кротков для усмирения крестьянских волнений вызвал сотню казаков Тептярского полка. Сотня расположилась на постой в д. Новоникольской и «производила разные неистовства. Казаки били всех попадавшихся им крестьян, разбивали у амбаров замки, забирали овес, сено, брали с гумен хлеб и резали крестьянскую скотину. Сын крестьянина Петрова был убит, а все имущество, находившееся в доме, было ограблено...». «За время пребывания в д. Новоникольской казаки съели: 49 коров, 289 овец, 391 пуд масла, 327 кур, 4 гуся, 9 индюшек, 2 п: 5 ф. меду, множество яиц куриных, а всего на сумму 3776 руб. 34 коп.».¹

В с. Державине целый месяц пробыла военная команда в составе одного офицера, 4 урядников и 196 казаков Башкирского войска, она содержалась за счет крестьян.

В дер. Гундоровке команда из 25 казаков, 10 солдат и 60 «понятых» (читай — кулаков) из соседних сел перепорола 14 человек, арестовала двух крестьян и в течение трех дней обжирала и опивала местных жителей.

Реформа, начавшаяся красивыми речами о сво-

---

¹ Чкаловский областной архив. Дело по просьбе крестьян помещицы Пехвистневой о притеснении их помещиком Кротковым.

бодном труде, закончилась плетью, розгами, судами и каторжными приговорами для крестьян.

Бугурусланский острог, находившийся в центре города, был переполнен, и министр внутренних дел поставил вопрос перед бугурусланской городской думой о «расширении тюремного замка и пристройке к нему новых помещений для заключенных».¹

В бугурусланском районном архиве сохранились протоколы заседаний думы, из которых видно, как «отцы города» обсуждали этот вопрос и пришли к решению: — «Так как расширение острога стеснит лавки купцов, а скопление еще большего числа заключенных в нем вызовет переполнение ретирад, острог не расширять, а поставить новый на окраине города».

Городская дума занималась и хозяйственными делами.

На заседании «Читано заявление гласного — бугурусланского мещанина Ивана Кирилловича Милосердова о приобретении общественного быка для городского стада. Дума, несмотря на полезность оного приобретения, ввиду недостаточности городских средств, заявление гласного Милосердова в настоящее время исполнить не может и определяет оставить оное до более благоприятных времен».

Эти «благоприятные» времена для городской

¹ Бугурусланский районный архив. Протоколы заседаний бугурусланской городской думы 1871 г.

думы так и не наступили. Она не сумела выкроить из бюджета средства, необходимые для «оного приобретения». Да и как город мог позволить себе такую «роскошь», если его бюджет в 1872 году составлял:

по доходной части 16327 руб. 69½ коп.,

по расходной части 16327 руб. 60¼ коп.

Из этих средств выплачивалось жалование: городскому голове 1200 руб. в год, секретарю — 600 руб., двум членам управы по 500 руб., а остальные средства пожирались более мелкими должностными лицами. Ничтожные крохи шли на городское благоустройство, образование, здравоохранение. Для приобретения учебных пособий дума «щедро» отпустила по 25 рублей в год на школу. На содержание и ремонт мостов было ассигновано 40 рублей на весь год. Даже содержание городского врача, лекарского ученика и повивальной бабки дума сочла для себя не обязательным и постановила:

«На основании 13 ст. городского положения поручить Управе ходатайствовать перед правительством о сложении с города обязательства содержать означенных лиц».

В 1872 году в Бугуруслане было две школы, купеческий клуб, дворянское собрание. В 1876 г. на средства добровольных жертвователей открылась платная библиотека. Затиснутая в крохотную комнату, она влачила жалкое существование. Заявление библиотечного совета об отпуске допол-

нительных средств дума отклонила под тем предлогом, что «Ежели ранее хватало, а теперь не хватает, то что сие значить может?» Чтобы удешевить содержание библиотеки, обязанности библиотекаря были возложены по совместительству на служащего банка.

Почта доставлялась из Самары дважды в неделю. Со звоном колоколов мчалась по городу почтовая повозка, и почтарь вручал «банковскому служителю» 2—3 экземпляра газет, которые потом зачитывались до дыр.

В 1879 г. в России свирепствовала чума, и градоправители Бутуруслана спешно начали обсуждать санитарно-профилактические мероприятия. Главнейшими из них были признаны следующие:

«Всякий житель города обязан производить очистку помойных ям и отхожих мест с 15 февраля по 1-ое июня, по одному разу в две недели, а после того, если не будет эпидемии, по одному разу в месяц».

Вся трудность исполнения этого постановления состояла в том, что у большинства жителей ни помойных ям, ни отхожих мест в те времена не было.

На одном из заседаний думы врач Блинов предложил на время опасности эпидемических заболеваний принять меры к снабжению беднейших жителей города здоровой и по возможности питательной пищей.

После длительных и горячих споров о том,

что считать здоровой и питательной пищей, дума постановила: «Заявление принять к сведению и обсудить в ближайшее время». Больше этот вопрос так и не обсуждался.

Особенно процветали в городе церкви и питейные заведения. Погребки с русскими виноградными винами пользовались большими льготами при акцизном обложении. Но под вывеской виноградных вин в погребах шла бойкая торговля водкой по несколько пониженной цене. Они успешно конкурировали с трактирами, один из которых принадлежал городскому голове, а другой — члену городской управы.

Городской голова и член управы в борьбе с конкурентами используют всю полноту своей власти. Дума принимает решение: «Самое открытие погребов для торговли виноградными винами не имело смысла, так как это вино по крепости своей в 18° не соответствует натуре местного населения, привыкшего употреблять напитки крепостью от 38 до 40°».

Бугуруслам жил медленной, сонной жизнью провинциального городка. Дворяне проводили большую часть времени в Самаре, Москве, Петербурге. Купцы скупали за бесценок у крестьян и ремесленников скот, хлеб, шерсть, кожи, кустарные изделия и по почтовому тракту отправляли или в Самару, или Оренбург, или в тургайские степи. Крестьяне и ремесленники трудились на своих земельных участках, работали в мастерских, кустар-

ных предприятиях, с трудом добывая средства к существованию. Каторжный труд не обеспечивал людей. С каждым годом все больше становилось недоимщиков. Их имущество продавалось с торгов, а сами они или шли в кабалу, или устремлялись в Оренбург и Самару, пополняя там армию безработных. Потрясающей силы документ сохранился в бугурусланском архиве. Несколько обездоленных, голодных, не имеющих никаких средств, жителей Бугуруслана обратились в управу.

«В настоящем году, — писали они, — мы все благодаря неурожаю обречены на голодное существование, работы, какой можно было бы найти по нашим трудам, совершенно нет никакой. Деньги, которые мы успели заработать в летнее время, все нами проедены, ведь всякому известна в настоящее время дороговизна хлеба, не говоря уже о других предметах необходимости, о которых мы и думать позабыли, что же следовательно мы должны ожидать в будущем? Денег нет и хлеба тоже, между тем престарелые наши отцы, матери и издохшие дети просят хлеба и хлеба. Но где же взять денег на хлеб и у кого просить?

Нам частно известно, что в г. Бугуруслане, при городской думе, образуется какой-то комитет по оказанию помощи голодающему населению. Ввиду этого мы, самые беднейшие жители Солдатской слободы, покорнейше просим думу, не найдет ли она возможным, какими-нибудь по-

сильными средствами, оказать нам, ввиду действительно бедственного и безвыходного положения нашего, какую-нибудь помощь, чем спасет нас от голодной смерти. Питаем полную надежду на благосклонное внимание г.г. гласных и надеемся, что к нашей сей просьбе отнесутся сочувственно и серьезно».

Можно было бы предположить, что слезная мольба тронет окаменевшие сердца стоявших у власти, однако сытые купцы, восседавшие на скамьях городской думы, вынесли следующее решение:

«...За них как неграмотных, что уясняется подписанием имен и фамилий одною рукою, никто не расписался, что нарушает правила подачи бумаг в правительственные учреждения, городская дума **постановила: Заявление просителей оставить без рассмотрения**».

Неграмотность, процветавшая в те времена в Бугуруслане, послужила поводом для отказа. Каторжный труд без радости, без просвета, — таков был удел трудящихся при царизме.

Одураченные попами, люди возносили молитвы богу. 26 попов и 198 монашек жирели на награбленные трудовые копейки. Из духовного училища, как змеи, расплзались по уезду «господние слуги», чтобы там служить богу и... полиции. В летописях церкви села Исаклы, как и в других, поны старательно записывали все разговоры, настроения и действия прихожан.

Город, лишенный малейших проблесков культурной жизни, в праздничные дни заливала волна хмельного веселья и буйства.

Вот как описывает бугурусланскую жизнь старожилка П. Ф. Шелудякова:

«На столах бугурусланских обывателей блины, сметана, рыба. Масленая неделя подходит к концу. Торговец щепными товарами Силантьев, споря на четверть водки, уже съел в один присест 300 блинов и каравай калача. Сыновья купца Федотова уже задушили 2 тройки, катаясь по городу, разбросали два ящика апельсин, яблок, печенья. Это ежегодные «прюки» Силантьева и Федотовых.

Пьяные купцы, торговцы, кулаки с утра до ночи раскатываются по улицам. От звона бубенцов уши режет. Песни, шум, гомон плывут над городом. Масленица! В пятницу утром на «Гусином озере» подралась ребятня. Слободские избивали городских. На помощь пришли парни. Они угнали слободских детей за реку Турхановку.

И пошло!

Взрослые мужчины, бородачи-старички схватывались врукопашную. От тшперешней Красноармейской до Победной разгорался бой. С кольями, сердечниками, кистенями лезли городские на слободских, бился окая. Кто-то кистенем проломил череп Ивану Ботенкову. Кровь сильнее разожгла ярость. Приехавших полицейских избивали. Тогда явился исправник, но и ему досталось. Только пожарная команда водой разлила драчунов. Один убитый, пять человек с переломанными руками и ногами и десятки людей с

ссадинами и синяками — таков итог «масленного побоища».¹

Нельзя сказать, чтобы бугурусланцы не хотели более интересной, культурной жизни. Стоило захватить сюда какой-либо бродячей труппе, и жители толпой шли на представление.

Приезд актеров был большим событием в городской жизни. Желающих попасть в театр было много, особенно на «талерку».

Начинался спектакль. Люди жадно смотрели на сцену и видели чужую, неведомую для них жизнь. В мишурном блеске на сцене жили князья, маркизы. Они говорили о любви красивые слова, страдали, дрались на дуэлях, женились, получали наследство и совершенно не думали о завтрашнем дне, о куске хлеба, который нужно заработать.

Чтобы со сцены не прозвучали правдивые слова о безрадостной жизни, о тяжелом положении трудового люда, за этим зорко следили восседавшие в первых рядах жандармы и полицмейстер.

Уезжали артисты, увозя с собой кусочек солнечной жизни, и снова Бугуруслан погружался во мрак, в дремотное оцепенение.

В 1888 году в трех верстах от города пролегли блестящие полосы стальных рельс. И хотя сразу стала ближе Самара и хлеб по железной дороге еще большим потоком хлынул в нее, хотя богаче и важнее становились в городе кушцы и торговцы, — сам город попрежнему был беден и рос медленно.

¹ „Колхозная правда“ 13/XII 1935 года.

К 1-му января 1899 г. в Бугуруслане числилось 10513 жителей, и из 1635 зданий только 137 было каменных.

В городе в это время жили 19 потомственных и 122 личных дворян, 244 купца, 117 почетных граждан и 259 лиц духовного звания. В их руках сосредоточивалось управление городом, в их руках была власть. С помощью религии они околпачивали жителей и диктовали свои законы.

7155 мещан, 1365 крестьян, 1168 запасных солдат и членов их семей составляли костяк населения. Потом и кровью они создавали материальные блага для дворянско-купеческой верхушки.

78003 Жили еще в Бугуруслане 26 иностранных подданных, 8 человек из казачьего войска, да 23 человека прочих.

Духовенство воспитывало жителей в «страхе божьем». 6 церквей, один монастырь, 4 часовни, мечеть, духовное училище являлись опорными пунктами религиозного мракобесия. В пяти церковно-приходских школах малолетним бугурусланцам забивали мозги «законом божьим», «ветхим и новым заветом» и другими церковными «науками».

Была еще в городе прогимназия, но в ней могли учиться только дети зажиточных.

В 1890 г. на все учебные заведения Бугуруслана было ассигновано лишь 3924 р. 20 коп., включая сюда и жалование учителям. Львиная доля этих средств тратилась на духовное училище, и

не удивительно, что грамоту знали всего лишь около 30 процентов жителей.

В плохом домишке ютилась городская больница на несколько коек. Фельдшер Кузьма Иванович Цирулин так вспоминает о ней: «Даже проходить мимо нее было крайне неприятно. На всю улицу несло шодоформом, испражнениями, особым тяжелым запахом, который бывает там, где много людей скучены в маленьком, тесном помещении. В больнице даже не сделали форточек».

Но еще лучше характеризует состояние больницы доклад ревизионной комиссии за 1897 год.

«Приемный покой, где ежедневно несколько десятков праждан пользуются медицинской помощью, хотя и помещается в городском доме, но полы провалились, печи потрескались, рамы погнили, штукатурка обвалилась, и все здание представляет развалину, навещающую уныние».

Дом призрения на 10 человек, организованный в порыве «верноподданнических чувств» в 1880 г. в день царского юбилея, стал впоследствии называться «богадельней», оставаясь попрежнему злобной клоакой, куда с ужасом шли доживать даже те старики, которые не имели ни пищи, ни крова.

В те времена (на 1-ое января 1890 г.) бугурусланская промышленность состояла из 20 предприятий. Из них 6 салотопенных, 2 мыловаренных, 2 кожевенных, 1 клееваренный, 3 овчинных, 2 маслобойных, 2 шорных, 1 крупобидротный завод и

1 мельница. На всех 20 «заводах» было шестьдесят семь рабочих. А общая валовая продукция составляла сумму, едва превышавшую 30000 рублей.

628 ремесленников (сапожники, шорники, плотники, столяры, гончары, колесники и т. п.) работали у себя на квартирах.

Безудержная эксплуатация, 13—15-часовой рабочий день от темна до темна, нищенская оплата и опасность каждую минуту быть выгнанным характеризуют положение рабочих на этих «заводах». Тов. Прокудин вспоминает о клееваренном заводе купца Кузьмичева:

«На берегу реки Кинель стояла полусгнившая бревенчатая изба. В длину она имела шесть шагов, а в ширину четыре. Посредине, замазанный в кирпич, возвышался котел, в который рабочие забрасывали кости. В очаге разводили огонь и время от времени размешивали содержимое котла большими лопатами.

Дым застилал все помещение, ел глаза, проникал в горло. Только над самым земляным полом было меньше дыма, и легче дышалось.

Рабочие, их на «заводе» было трое, ложились на спину и жадно глотали воздух. Затем снова размешивали клей, подкладывали в очаг дрова, мусор. Сваренный клей здесь же разливался в бутылки и шел на рынок. Работать приходилось много—мы торчали в этом аду по 13—15 часов в сутки, летом—задыхаясь от

жары и дыма, зимой — замерзая от холода, а платили нам за это копейки...»

Сельское хозяйство г. Бугуруслана и Бугурусланского уезда отличалось крайне примитивной системой землепользования.

Неурожаи повторялись из года в год. Очень часто случалось, что даже высеянные семена не удавалось собрать, и тогда десятки тысяч людей голодали.

БУГУРУСЛАН В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Империалистическая война, охватившая весь мир судорогами смерти и уничтожения, не могла не коснуться и Бугуруслана.

Фронта в Бугуруслане не было, не стреляли срудия и не лилась кровь. Но мимо станции день и ночь тянулись поезда с войсками и военным снаряжением. Сотни жителей города уходили на фронт. Сначала молодые, полные сил и здоровья. Их провожали с оркестрами. Затем стали брать пожилых, бородатых отцов семейств и еще не окрепших безусых юношей. Почта приносила десятки писем — «погиб на поле брани», «сложил голову за веру, царя и отечество».

Отзвуки далеких сражений становились для Бугуруслана все ближе и ближе. Тысячи беженцев наводнили Бугурусланский уезд. Голодные, измученные, оборванные, грязные старики, женщины, крохотные дети, как скот, выгружались из вагонов

на станциях Бугуруслан, Абдулино, Похвистнево. Под открытым небом, в зной, в дождь, стужу, по несколько суток жили они у вокзалов. Их мысли были там—среди разоренных родных домов, где в это время грохотали орудийные залпы, где десятки, сотни тысяч русских и немцев озверело мезли друг на друга.

Когда наставало время обеда, люди, отупевшие от перенесенных ужасов и мучений, становились в очередь за мутной бурдой.

Различные «благотворительные» организации оказывали «помощь» беженцам. На питание одного человека, по отчетам, расходовалось в сутки от 15 до 17 копеек.

Изголодавшихся, доведенных до отчаяния людей направляли вглубь уезда, отдавая в руки безудержной кулацкой эксплуатации.

Потянулись с фронта раненые и искалеченные, отравленные газами, больные. Они приносили тревожные вести о предательстве генералов, злобу и ненависть к дворянам, помещикам, богатым.

Жизнь становилась с каждым днем дороже и труднее. Заработная плата и цены на кустарные изделия оставались попрежнему низкими, а промышленные товары все дорожали. Нельзя было подступиться и к продуктам питания.

Нарастало недовольство среди крестьян, кустарей, рабочих, среди городской бедноты. Солдатки и вдовы толпами приходили в волостные правления и требовали помощи. Все тревожней и напряженней становилась обстановка в городе и деревне.

28 февраля 1917 года на бугурусланский телеграф поступило сообщение о свержении царя. Встревоженный начальник почты прежде всего доложил о нем местному исправнику, который приказал задержать телеграмму. Но, несмотря на это, весть о свержении царя быстро разнеслась по уезду. Из уст в уста, кто радостно, кто с недоверием, кто испуганно и тревожно передавал: «Царя больше нет... Самодержавие свергнуто».

В летописях ибрайкинской церкви находим страничку, окаймленную широкой траурной полосой и датированную 1 марта 1917 года:

«Божием поущением император Николай Второй отрекся от престола», — со скорбью записал ибрайкинский поп. — «Что же ждет нас впереди», — ужасался он далее.

В ночь на 1 марта в местном полку был избран «Гарнизонный комитет».

6 марта купечество, эсеры и кадеты организовали так называемый «Комитет народной власти». Февральская революция в Бугуруслане и уезде прошла бескровно.

Все осталось попрежнему. Эсеры, вставшие у власти, были революционными только на словах.

В первые дни после февральской революции продолжали работать почти все учреждения старого режима.

Но массы быстро поняли предательство эсеров. В самом деле, чего можно было ждать бедноте от «Комитета народной власти», во главе которого

стояли торговцы, купцы и помещики—Клементьев, Бородин, Кузьмин и другие.

В городе начинаются митинги и собрания. Политическая активность трудящихся возрастает с каждым днем.

8 марта рабочие объединяются в союзы, а через один или два дня перед стенами городской тюрьмы возникает политическая демонстрация.

Собравшиеся рабочие и солдаты освобождают заключенных. В деревне растет движение за захват помещичьих, монастырских и государственных земель.

«Комитет народной власти» пытается встать на защиту барского добра. Он высылает в помещичьи имения вооруженные отряды.

24 июня 1917 года состоялось первое собрание инициативной группы членов РСДРП(б). На этом собрании был избран комитет организации РСДРП(б) г. Бугуруслана и приняты решения об агитационно-массовой работе среди рабочих и солдат, о подготовке к перевыборам городской думы.

В протоколе № 3, среди фамилий присутствовавших на собрании, мы встречаем фамилию т. Куйбышева. Вторым пунктом повестки дня записано:

«Слушали — Заявление тов. Куйбышева о невозможности, вследствие болезненного состояния, принять активное участие в работах нашей организации. Он может приходить только на общие собрания.

Постановили — Принять к сведению».

В протоколе № 4 от 10 июля 1917 года мы опять в списке присутствующих видим фамилию—Куйбышев.

А параграф 4 повестки дня записан так:

«Поручить тов. Куйбышеву написать в «Приволжскую Правду» о высылке 20 экземпляров газет».

В местном архиве не сохранилось подробных материалов о работе тов. Куйбышева в период его кратковременного пребывания в Бугуруслане, но, несомненно, что он много сделал для укрепления парторганизации и создания органов советской власти. Под непосредственным руководством тов. Куйбышева, повидимому, был создан в июле 1917 года Бугурусланский Совет рабочих и солдатских депутатов.

При участии тов. Куйбышева бугурусланская организация РСДРП(б) развертывает большую революционную работу среди населения. Большевистские агитаторы проводят собрания и митинги в пожарном депо, казармах, на мельнице и т. д.

Особенность работы заключалась в том, что население Бугуруслана состояло из мелких кулаков, ремесленников и торговцев, среди которых партия эсеров встречала сочувствие.

Под влиянием эсеров в значительной мере были крестьяне, солдаты местного гарнизона и даже часть рабочих.

Большевикам пришлось вести против эсеров

ожесточенную борьбу за влияние на трудящиеся массы. Большой остроты борьба достигла во время подготовки к выборам в учредительное собрание. Наряду с массовой агитационной работой организация РСДРП(б) распространяет газету «Приволжская Правда», листовки Самарского комитета РСДРП(б) и т. п.

В этой подготовительной кампании среди рабочих и крестьян приобретают популярность большевики.

11 августа 1917 г. в Бугуруслане открылся первый уездный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Здесь эсеры потерпели полный крах.

Трудящиеся поняли, за кем нужно идти, и пошли за большевиками. Все предложения эсеров были отвергнуты съездом. Съезд послал делегатов в Петроград, дав наказ: «Вся власть Советам рабоче-крестьянских и солдатских депутатов».

9 ноября 1917 года в Бугуруслане власть полностью перешла в руки Советов, и был создан Ревком. Создаются органы советской власти: Отдел народного образования, Совнархоз, Собес, Трансгуж, Отдел труда и т. п. Трудящиеся массы привлекаются к управлению уездом и городом, организуется Красная гвардия.

В начале февраля 1918 года Бугурусланский Совет рабоче-крестьянских и солдатских депутатов созывает II съезд Советов. Одновременно эсеры и меньшевики созвали уездный съезд земской упра-

вы. Нужно было вырвать из рук меньшевиков и эсеров бедняцко-середняцкую часть съезда земской управы. Первое заседание съездов, по инициативе большевиков, проводилось совместно. На нем большевики призывали середняков, бедняков и солдатских делегатов принять участие в работе уездного съезда Советов. Большинство делегатов откликнулось на призыв. На сборище земской управы остались, главным образом, кулаки, поны и царские чиновники. Тогда съезд Советов вынес решение распустить съезд земской управы.

Делегация от съезда Советов пришла и объявила: «Съезд земской управы считается распущенным. Предлагается немедленно разойтись. Делегатов крестьян и солдат просим явиться на съезд Советов».

Так была разогнана навсегда земская управа. Но контрреволюция продолжает борьбу. В базарный день 25 февраля, когда в город съехалось много кулаков из окрестных сел, бугурусланский поп устроил молебен. В церковном облачении с хоругвями и иконами поп явился на базар и обратился с горячей речью к возбужденной, слегка пьяной базарной толпе. Кто-то из купцов выкатил на площадь бочку спирта. Люди пили даровое угощение и, хмелея, кричали то, что хотел поп и его черносотенные приспешники.

В разгоряченную, взвинченную толпу «божий слуга» бросал призыв разгромить советскую власть. Купцы орали: «Бей их, всем своим добром

отвечаем!» Вместе с попом толпа, вооруженная топорами, пожарами, кольями и огнестрельным оружием, двинулась к зданию Совета.

В это время в здании спешно установили пулеметы, десяток красногвардейцев и члены Совета приготовились оказать вооруженный отпор.

Толпа подошла и остановилась возле дома, из окон которого тускло поблескивали два пулеметных ствола. Пьяный пыл несколько охладел. А когда с крыльца дома Советов выступил председатель Совета и стал разъяснять всю бессмысленность этой контрреволюционной затеи, толпа начала быстро редеть. Контрреволюция и на этот раз потерпела поражение, главари были выловлены и после суда расстреляны.

В марте 1918 года проходил III уездный съезд Советов, на нем, помимо других местных вопросов, обсуждался вопрос о войне и мире.

В конце мая стало известно о выступлении чехословаков против советской власти. Самара и вся магистраль на Челябинск и далее на восток была забита чешскими эшелонами. Комитет уездного собрания на острогах чехословацких штыков нес трудящимся старое царское ярмо.

19 июня 1918 года советские учреждения и красногвардейские отряды эвакуировались из Бугуруслана.

Белочехи неотступно преследовали отходящие красногвардейские отряды. Отряд в двести человек бугурусланцев расположился на отдых в с. Рычко-

во. Вскоре часовые заметили на дороге облако пыли, это двигалась чешская пехота. Бойцы быстро приняли боевой порядок на окраинах села. Чехи цепью приближались к окoliце. Вот уже заметны пулеметы противника, а командир передает приказание:

— Не стрелять без команды!

И молодые необстрелянные красногвардейцы подпустили чехов так близко, что видны были блестящие пуговицы на травянистого цвета мундирах.

— Огонь!

Грянул залп, второй, третий. Застрочил пулемет. Чешская цепь смешалась, падали убитые и раненые, а живые продолжали двигаться вперед.

Ахнуло вражеское орудие, и снаряд разорвался на улице. Засвистели чешские пули. На горизонте неясно виднелась тонкая цепочка людей, она по скатам высоты сбегала в ложину, стремясь окружить село. Медленно, шаг за шагом, бугурусланцы отходили на север, кровью орошали землю, защищая ее от непрощенных «гостей». Чехи, численно в несколько раз превосходившие красногвардейский отряд, не могли его окружить и уничтожить.

Местные купцы, чиновники, лавочники, попы и помещики в Бугуруслане радостно встречали чехов. На всех церквях захлебывались перезвоном колокола.

Начались обыски и издевательства над жите-

лями Бугуруслана. Чистенькие снаружи, чешские солдаты оказались весьма грязными внутренне. Грабежи и насилия происходили на каждом шагу, но это маскировалось как «изъятие у местного населения военного имущества». Достаточно было иметь гимнастерку зеленого цвета, чтобы быть раздетым прямо среди бела дня на улице. В виде напутствия полагался «вежливый» удар прикладом и команда «быстро». Арестовывали и расстреливали всех, кто выражал свое сочувствие советской власти.

Двадцать четвертого июня уполномоченный Комуча¹ издал приказ о низложении советской власти и отрешении от должности всех комиссаров, а через несколько дней он опубликовал еще более грозный приказ, в котором писал:

«...Всем должностным лицам города и уезда, в том числе председателям волостных и сельских советов и управлений, волостных земских управ, предписываю:

1. Немедленно принять меры к задержанию, с помощью населения, всех вышеупомянутых комиссаров и сопровождающих их красноармейцев, к отобранию у них денег, имущества и вооружения.

2. По задержанию, под усиленным конвоем дружины и бывших солдат, срочно представить арестантским порядком указанных лиц в город Бугуруслан в мое распоряжение для передачи военным судебным властям».

Контрреволюция хотела расправиться с революционным движением.

¹ Комитет членов учредительного собрания.

— Часть комиссаров была поймана и приговорена к расстрелу. Когда жены заключенных пришли к начальнику обороны полковнику Комонову с просьбой о помиловании, он заявил: «Собакам — собачья смерть! А вы бросьте в штаб шляться, а то и вас посадим и шлепнем», — вспоминает учительница костно-туберкулезного санатория тов. Петрова.

При содействии оставшихся на воле большевиков некоторые комиссары бежали. Скрываясь в селах, лесах, оврагах, они организовывали партизанские отряды, вели борьбу с чешскими и белыми бандами, распыляли глаза крестьянству на сущность белочешской власти.

Недовольство крестьян росло с каждым днем. В ряде сел вспыхивают восстания против учредилки и чешских оккупантов.

В августе в село Старые Узелы прибыл отряд чехов-фуражиров для пополнения продовольствия. Сразу же начались грабежи и избиения населения. Крестьяне обратились за помощью в соседние села.

На призыв откликнулись крестьяне населенных пунктов: Мордовские Боклы, Алпаево и др.

В своем постановлении они записали: «Восстать и вооружиться чем попало, направиться в овраг «Безымянка» к 12 часам дня; нужно спасти терзаемых товарищей крестьян Старых Узелей».

Под напором восставших крестьян чешский отряд в панике бежал. Но на другой день чешская

рота снова окружила село Старые Узелы, подожгла его, и началась расправа.

Крестьянство целыми селами уходило в леса. Оттуда они делали вылазки и уничтожали мелкие чешские отряды, вылавливали в одиночку солдат и офицеров. Так продолжалось до самого занятия Бугуруслана Красной Армией.

В ночь с 22 на 23 октября 1918 г. в город вступили передовые красноармейские части. Банды Комуча и белочехов покатались на восток.

В Бугуруслане была восстановлена советская власть, начали работать вернувшиеся учреждения, на буржуазию накладывается контрибуция и различные налоги. Вводится трудовая повинность. На снегоочистке, лесоразработках и т. п. работают местные лавочники, бывшие чиновники, купцы. Непривычными руками они ковыряют снег, пилят дрова, ворчат, как побитые собаки, затаив внутри ненависть к советской власти.

В селах вновь возникают Советы. Трудящееся крестьянство с радостью встречает части Красной Армии. В декабре 1918 года организуются Комбеды. Добровольцы потоком вливаются в части Красной Армии. Одновременно Военный комиссариат проводит мобилизацию.

Для рабочих, армии и голодных детей нужен хлеб. Упродком, с помощью Комбедов и деревенских коммунистов, осуществляет продразверстку.

25 ноября созывается уездное совещание партийной организации РКП(б). Партийная организа-

ция сосредоточивает свое внимание на укреплении советской власти.

В январе 1919 года в села направляются коммунисты для проведения продразверстки, укрепления сельского аппарата и перестройки кооперации.

В уезде организуется свыше 100 кооперативных лавок, которые отпускают населению товар в обмен на хлеб. Борьба за хлеб становится в центре внимания всех советских и партийных организаций.

В начале февраля трудящаяся молодежь гор. Бугуруслана объединяется в Союз коммунистической молодежи. Союзы молодежи организуются и в селах.

Весной 1919 года была создана ячейка РКСМ в селе Елатомка. Из своего состава она отправила на фронт несколько комсомольцев.

1 марта 1919 г. бугурусланский союз реорганизуется в бугурусланский совет профсоюзов.

На востоке и северо-востоке страны снова собирает силы контрреволюция. Весной 1919 г. белые полчища адмирала Колчака начинают наступление. Вооруженная французскими пушками, английскими танками, японскими винтовками и пулеметами, одетая и обутая в иностранное обмундирование, колчаковская армия теснит слабо вооруженные красноармейские части.

Трудящиеся г. Бугуруслана полны решимости защищать советскую власть. Еще больше усилился приток добровольцев в Красную Армию. Одновре-

менно партийные, комсомольские и профсоюзные организации отправляют на фронт из своих рядов группы товарищей.

Профсоюзы Бугуруслана организуют 25-ю рабочую дружину, и она уже через несколько недель участвует в боях против Колчака. Борьба против Колчака в этот момент приобрела решающее значение.

Вся советская республика напрягает силы к разгрому колчаковских полчищ.

10 апреля 1919 г. Владимир Ильич Ленин обратился к питерским рабочим со следующим специальным письмом:

«Товарищи! Положение на Восточном фронте крайне ухудшилось. Сегодня взят Колчаком Воткинский завод, гибнет Бугульма; видимо, Колчак еще продвинется вперед.

Опасность грозная...

Мы просим питерских рабочих **поставить на ноги все, мобилизовать все силы** на помощь Восточному фронту.

Там солдаты-рабочие подкормятся сами и продовольственными посылками помогут своим семьям. А главное, — там решается судьба революции.

Победив там, мы кончаем войну, ибо из-за **границы помощи белым больше не будет**. На юге мы близки к победе. Брать силы с юга нельзя, пока не победим там полностью.

Поэтому на помощь Восточному фронту!

И Совдеп и профессиональные союзы должны напрячь все силы, поднять на ноги все, всемерно помочь Восточному фронту.

Я уверен, товарищи, что питерские рабочие покажут пример всей России.

С коммунистическим приветом.

Ленин»¹

Во всех городах и селах России горячо откликнулись на ленинский призыв. Могучий советский народ поднимался на последний решительный бой.

Сухие и лаконические слова телеграмм кратко сообщали об энтузиазме трудового народа, о митингах на заводах и фабриках, о собраниях в деревнях и селах, о все новых и новых частях, формируемых в Самаре, Твери, Витебске, Пензе, Вологде, Калуге, Алатыре, Саранске и др.

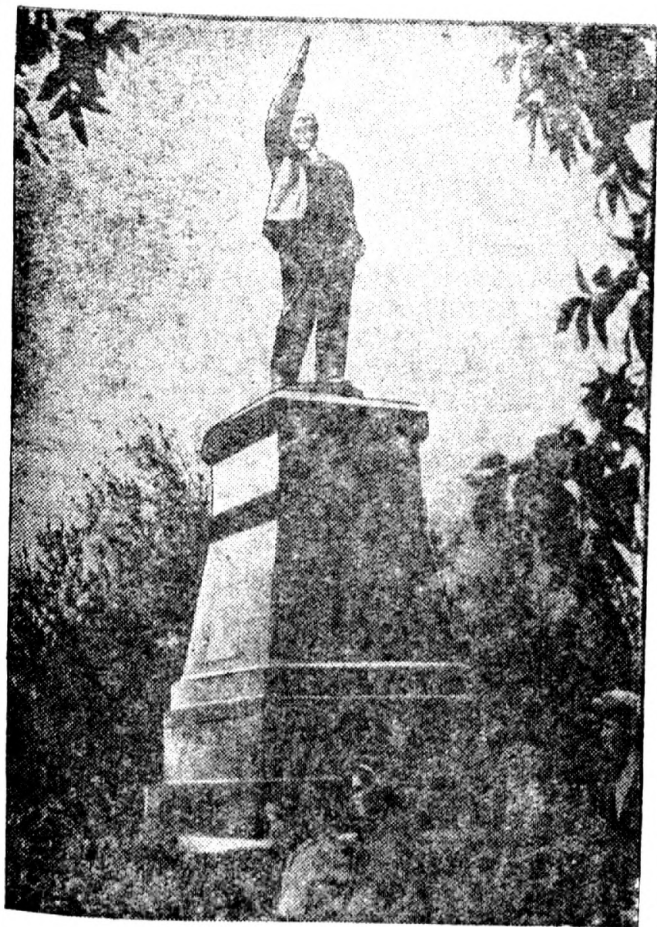
Большая часть членов коммунистических, комсомольских и профсоюзных организаций вступают в ряды Красной Армии.

Но все это еще в тылу. На фронт пополнения пока не прибыли. И истощенные, без снарядов, без оружия, без резервов части Красной Армии медленно отходят на Запад.

15 апреля красные отступали из Бугуруслана. За рекой Кинелем грохотали орудия, над вокзалом и деревянным мостом, над дамбой рвались снаряды.

По улицам, суровые, усталые, но полные уверенности в окончательной победе, отходили красно-

¹ В. И. Ленин. Сочинения т. XXIV, стр. 223.

Бугуруслан. Памятник В. И. Ленину.

армейцы. Они двигались маленькими группками строгим порядке.

На подступах к городу, по окружающим Бугуруслан высотам, уже мелькали казаки.

Через город отступали последние бойцы.

С горы мчалась тачанка с пулеметом. Ее преследовали казаки. Иногда она останавливалась и поливала склоны высот свинцовым дождем. Тогда белые рассыпались веером, падали ранеными кони и люди. Погоня замедлялась, и тачанка снова на полном карьере уходила дальше. Звонко цокали копыта коней по мостовой, гремели колеса и, как злой зверек, подпрыгивал и метался в тачанке пулемет.

Колчаковцы ознаменовали свое вступление в город массовыми грабежами, обысками, арестами, насилием и расстрелами коммунистов и активных советских работников, не покинувших Бугуруслан и территорию уезда; расстреливали без суда.

Белые разорили братскую могилу красноармейцев и тела их предали поруганию.

Местная буржуазия и кулачество, попы и монахи доносили на всех, кто хоть сколько-нибудь сочувственно относился к советской власти.

Замечательный стратег, великий пролетарский полководец М. В. Фрунзе объединил действия нескольких армий Восточного фронта и нанес Колчаку сокрушительный удар.

Знаменитая операция на линии Бугуруслан—Бугульма—Белебей явилась началом бесславного кон-

ца «верховного сибирского правителя». В этой операции М. В. Фрунзе разгромил белые полчища и погнал их безостановочно на восток.

Огромную роль в достижении победы частями Красной Армии сыграл Валерьян Владимирович Куйбышев. Он был членом РВС Южной группы армии и провел большую политическую работу среди бойцов и командиров.

Красноармейцы горели желанием разбить бело-бандитов.

— «На Колчака!» — этой мыслью жила вся южная группа. Несмотря на весеннюю распутицу, на трудные условия местности, красные части рвались в бой.

Общее наступление началось утром 28 апреля. Белые сопротивлялись упорно и дрались с ожесточением обреченных, но, не выдержав натиска, 2 мая 1919 года начали отходить. 7-я дивизия белых, оборонявшая Бугуруслан, Похвистнево, Ганькино, отводит одну бригаду за 30 километров севернее Бугуруслана, в район Городецкое.

В течение 2 и 3 мая упорные бои разыгрываются на подступах к Бугуруслану.

26 дивизия, форсировав реку Кинель, охватывает Бугуруслан с востока, с севера и юга.

И 4 мая, в 9 часов утра, части 3-й бригады 26-ой дивизии красных ворвались с нескольких сторон в Бугуруслан.

Снова над городом взвилось красное знамя.

Организовался Ревком, начавший работу по вос-

становлению органов советской власти. Стали возвращаться эвакуированные учреждения. Город очищается от контрреволюционной нечисти.

Трудящиеся свято хранят память героев-красноармейцев, погибших в боях за Бугуруслан. 1 июля 1919 года, в годовщину гибели красноармейцев в бою под Рычковом, они восстановили братскую могилу борцам гражданской войны, похороненных в городе. Революционный комитет в своем приказе № 23 предписывал:

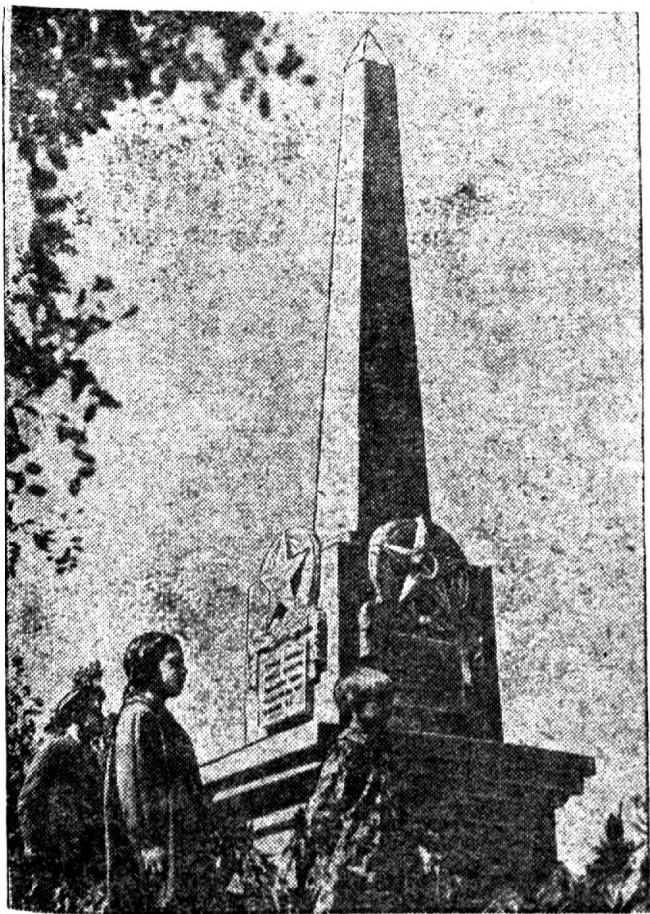
«всем учреждениям и предприятиям города Бугуруслана. Завтра, 1 июля, прекратить все обычные занятия в 12 часов дня.

...Завтра, в годовщину гибели героев,—говорил приказ,—будет восстановлена братская могила, грязными лапами черных банд растоптанная тогда, когда она оставалась беззащитной. Капиталисты в подлости души своей мстят своим мертвым врагам, издеваются над рабочим и крестьянином и тогда, когда они спят вечным сном уже в могилах...».

Далее в приказе говорилось:

«Покройте розами их могилы. Шапки долой. Вечная память героям. Проклятие убийцам!»

Линия фронта все дальше и дальше удаляется от Бугуруслана. На очереди встают задачи хозяйственного строительства, восстановление промышленности, железных дорог и сельского хозяйства. Голод и холод тисками сдавили советскую страну. Люди болеют и умирают сотнями. Тысячи детей сосредоточены в бугурусланских детских домах.

Бугуруслан. Памятник-обелиск жертвам революции,
погибшим на фронтах гражданской войны.

Бугурусланцы из своих скудных пайков уделяют лишний кусок им, заботятся о топливе. Для заготовок леса мобилизуются целые волости.

Замечательный почин ленинских субботников гремит по всей России. Великое дело творили люди в это трудное время.

Советская страна еще героически сражалась с врагами на всех фронтах. Красная Армия требовала пополнений. Проводятся одна за другой мобилизации, но еще раньше их потоком стремятся на фронт добровольцы. Целые партийные ячейки снимались из деревень и добровольно уходили на фронт.

Самарский губком предписал всем улкам партии: «Производить мобилизацию членов партии не выше 50 процентов, в виду необходимости оставить минимум работников коммунистов на местах». Но у бугурусланских коммунистов оказывалось достаточно сил для борьбы за советскую власть на всех участках.

Ожесточенно борясь с дезертирством и бандитизмом, Бугуруслан посылает из своей среды коммунистов на фронт. «Вчера бугурусланская организация РКП(б) имела возможность отправить из своей среды на фронт 2-ую группу товарищей. При переполненной аудитории клуба коммунистов состоялся устроенный в честь отъезжающих митинг» — сообщает газета «Луч коммуны».

В январе 1920 года проходит уездная партийная конференция. Большим событием не только

для коммунистов, но и для всего населения города был приезд любимого пролетарского полководца М. В. Фрунзе.

С именем Фрунзе для бугурусланцев тесно связано избавление от колчаковского гнета. Фрунзе разгромил Колчака, освободил Бугуруслан, Бугульму, Уфу, весь Урал и Сибирь.

Гениальный стратег, простой, чуткий человек, страстный большевик, пламенный оратор М. В. Фрунзе пользовался огромной любовью трудящихся. Бугурусланцы радостно встретили своего любимого героя.

В газете «Луч коммуны» № 235 за 1920 г. читаем:

«Главногокомандующий тов. Фрунзе уполномочил редакцию объявить о его радости при виде редкой молодцеватости Красного Бугурусланского гарнизона.

Пусть и дальше строительство нашей Красной Армии идет вперед такими же гигантскими шагами.

Порядок, найденный тов. главнымкомандующим, — образцовый. Спасибо Красным Бойцам!».

М. В. Фрунзе принял участие в работах 5-й уездной партийной конференции. Он выступил на ней с докладом по текущему моменту. В переполненном зале гоголевской аудитории (городской театр) гремели аплодисменты, крики «ура» сотрясали ветхое здание.

М. В. Фрунзе начал говорить, и сразу стало тихо:

«В решении спора между трудом и капиталом — труд побеждает. Начало наших побед — лето 1919 года. На восточном фронте мы разбили Колчака. На сибирском фронте наше положение к сегодняшнему дню: — взят Красноярск и весь гарнизон с генералом Зиневичем и материальным имуществом. Этот генерал, видя, что дело плохо, связался с одним из наших штабов прямым проводом и заявил, что подымает во главе 60 тысяч войска Советское знамя. Восстание крестьян в Сибири облегчило нашу победу. Крестьяне убедились, что Советский строй лучший. Они на практике сравнили два существующих строя. По последним сведениям, Колчак арестован своими же солдатами... Он еще не в Советской России. Местность эта еще не занята нами, но мы там будем через 5—7 дней..»

Через несколько недель наше знамя будет развеиваться над Иркутском. Организованной внутренней контрреволюции теперь уже нет. Против нас теперь стоят шайки заграничных разбойников, которые скопили у Колчака и Семеновых наши природные богатства. Это — противник более серьезный, но мы, вероятно, не бросимся дальше зря. Мы поступим с ним так, как с англо-французскими войсками на побережье Черного моря. Вы знаете, какое превращение пережили эти войска, став вплотную, грудь с грудью, с нами, они подняли красное знамя, и Антанты убедилась, что руками своих рабочих и крестьян задушить Советскую Россию ей не удастся. Тогда Антанта бросилась к наемникам, а что сделано ими — мы видим.

Туркестанский фронт задачи свои разрешил. Советское знамя водружено в Туркестане. Оренбургско-уральская контрреволюция уничтожена. Нам крайне важно сырье Туркестана: нефть,

хлопок, и оно добыто. Пятого декабря войска нашей армии после тяжелого похода взяли Гурьев, Доссор с богатыми залежами нефти.

На Южном фронте, вы помните, когда Деникин подвигался к Туле и угрожал Москве? Уже назначался час вступления. Все эти расчеты кончились крахом. В самые тяжелые минуты рабоче-крестьянские массы находят в себе новые свежие силы и спасают свое социалистическое отечество.

С октября мы наступаем, поддержанные свежими силами коммунистов-рабочих, мы возвратили всю территорию с Таганрогом и Новочеркасском, и на этом фронте мы через месяц закончили с Деникиным, как с Колчаком.

На Юго-западном фронте — жалкие остатки разных петлюров и др. авантюристов, это — полное ничтожество в боевом отношении. Мы их не только бьем, но и разобьем. Однако тут важно создание хорошего авторитетного управления. В прошлом мы сделали ряд ошибок, и главное, мы туда дали мало наших лучших коммунистов, там были разные авантюристы, цель которых была: жрать, жрать, жрать. Они подрывали авторитет коммунистической партии, создавали авантюры. Мы надеемся, что, наученные горьким опытом, мы дадим туда лучших работников.

На Уральском фронте мы медленно продвигаемся потому, что наши красные войска не только овладевают территориями, но и по пути организуют Советскую власть.

На Западном фронте Юденич, под покровом английского флота и эстонской армии, пошел на Петроград. Революционный порыв рабочих Питера разбил его и отбросил.

На западе мелкие иностранные разбойники:

Польша, Литва, Латвия, Эстония, получившие свои права от Октябрьской революции, теперь, как прихвостни западно-европейского капитала, игрушки в руках Антанты, вливаются в тело рабочей России. Они нас не затравят! Если они не внемлют голосу благоразумия, не примут мирных предложений Советской России, их постигнет участь денкиных.

Северный фронт самый несущественный фронт, но и эту занозу надо вынуть. Освободив силы на других фронтах, мы выметем врага из Белого моря.

Я обрисовал положение на фронтах, теперь перейду к международному положению: они тесно связаны между собой. Как только улучшается наше положение, господа капиталисты меняют свое отношение к нам. На одном фронте, Эстонском, мы уже имели перемирие. Положение Эстонии — положение между молотом и наковальней. Рабочие ее требуют мира с Советской Россией, а Антанта требует войны.

Польша, Латвия лезут на нас, но рабочие этих стран не дадут им этого сделать. Если же буржуазия этих стран полезет на нас войной, то она будет бита. Характерно признание английского лидера Ллойд-Джорджа, этой главной акулы: «Мы держались ближе к морям, чтобы во-время убраться».

Ллойд-Джордж хочет согласиться с Советской Россией, наше продвижение на Туркестан и Индию приводит его в тупик, и он мечется. Недавно в Копенгагене начаты были переговоры. Уже известных запросы: они просят Баку и Закавказье — англичанам; Крымский полуостров — Франции, Сибирские богатства — Америке. Их аппетиты велики, они будут требовать многое, но Советская Россия на это не пойдет...

Правильное решение вопроса о мире — в руках нашей Красной Армии. Мы должны помочь Красной армии всем, что есть. Не нужно складывать рук. Неделя фронта должна помочь Красной Армии разрешить все вопросы.

Касаясь внутреннего положения, скажу, что оно прочно, как никогда. Наиболее трудное изжито. Это видно по поведению наших противников, тех самых Вольских, которые отсюда, из Самары, выбросили враждебное знамя.

Они каются. Лучше поздно, чем никогда.

Теперь на сцене задачи мирного строительства. Мы доказали в самых невероятных условиях, на что мы способны. Наше будущее — светло...¹

И снова в аудитории раздались аплодисменты: трудящиеся Бугуруслана приветствовали Красную Армию и ее славного вождя, выражали свою готовность бороться против всех врагов до полной победы.

А на фронтах в это время Красная Армия одерживала победу за победой. Разгромлен и арестован Колчак. Вся Украина и Северный Кавказ освобождаются от власти белых. Под Питером разбит Юденич.

Видя бесплодность попыток задушить молодую советскую республику и под давлением рабочих масс, «в январе 1920 года Англия, Франция, Ита-

¹ Речь М. В. Фрунзе цитируется по корреспондентской записи, помещенной в газете „Красный луч“ от 17/1 1920 г.

лия приняли решение прекратить блокаду Советской России».¹

Продолжая бороться с бандитизмом и дезертирством, трудящиеся Бугуруслана, под руководством коммунистической партии, приступают к восстановлению хозяйства, к развертыванию культурного строительства.

В бугурусланском архиве сохранился весьма любопытный документ уездного ревкома, в котором предлагается «изъять с толкучки все книги продающиеся на раскурку».

Культура стала достоянием трудящихся, а поэтому варварское отношение к книге, к источнику знаний, пресекалось Советской властью.

Трудящиеся, особенно молодежь, стремились к знанию.

В тяжелые дни, когда на смену войскам белых генералов пришел новый враг — голод, когда все население Бугурусланского уезда вынуждено было сесть на голодный паек, молодежь находила силы и время заниматься самообразованием, повышать свой политический уровень. В отчете комсомольской ячейки с. Елатомка за IV квартал 1921 года приведены следующие сухие цифры: собраний проведено 10, митингов — 6, спектаклей — 3, концертов — 2, беседа — 1.

На собраниях ставились доклады: о международном положении, как развивается компартия,

---

¹ „Краткий курс истории ВКП(б)“, стр. 228.

4-летие Октябрьской революции, о борьбе с дезертирством.

В том же отчете мы читаем: «Елатомская ячейка провела энергичную борьбу с грубостью и хулиганством. За ругань в стенах союза первый раз объявляется выговор, второй раз — порицание с записью в членском билете и в третий раз — исключение из союза».

К этому же времени относится коротенькая заметка, помещенная в уездной газете: «В Бугуруслане открылась 21 декабря школа политграмоты».

Для города открытие школы политграмоты было большим событием. Партийный и комсомольский актив получил возможность совершенствоваться.

Голод, холод, тиф, разруха не могли сломить волю большевиков. Лишения, нужду стойко переносили трудящиеся города. Последним куском хлеба делились с армией, с детьми.

Огромную заботу о детях проявляли органы советской власти. В результате военных действий и голода в Поволжье в бугурусланских детских домах было сосредоточено очень много беспризорных детей.

Ревком принимал энергичные меры к обеспечению их, хотя бы самым необходимым. Сохранился следующий интересный документ:

«Самара. Губисполком

Ревком 12 августа постановил: «...принимая во внимание наступление холодов, во время которых

дети будут ходить полураздетыми, изъять из Бугурусланского отделения Губкооп и Уодежды половину запасов для снабжения в первую очередь детдомов».

Преодолевая все и всякие трудности, трудящиеся Бугуруслана строили новую жизнь.

НАСТОЯЩЕЕ БУГУРУСЛАНА

Великие сталинские пятилетки изменили лицо Бугуруслана, как изменили они вообще облик всей нашей необъятной родины. У Бугуруслана замечательное настоящее и прекрасны перспективы дальнейшего роста.

Президиум Верховного Совета СССР выделил г. Бугуруслан в самостоятельную административную единицу.

Это пока еще небольшой городок, в нем до 25 тысяч жителей, но он быстро растет.

Основная масса средств из городского бюджета расходуется на просвещение, здравоохранение и коммунальное хозяйство. Если сравнить расходы на образование при царизме с расходами на образование в 1938 г., то можно понять, почему в Бугуруслане до Октябрьской социалистической революции грамотных было лишь 30 процентов. Царизм душил культуру, насаждал кабаки, пьянство, темноту и суеверие.

Только советская власть и коммунистическая партия уделяют так много внимания народному об

разованию, что в одном маленьком городе на нужды образования в 1939 году расходуется 2.916.100 рублей. Это составляет почти половину всех расходов города.

На 1 октября 1939 года в Бугуруслане работают две средних школы, три неполных средних, пять начальных школ, специальная школа-интернат. В начальных, неполных средних и средних школах — 4293 учащихся и 149 педагогов.

В городе есть учительский институт, сельскохозяйственный техникум, педагогическое училище, фельдшерско-акушерская школа, тракторная школа. В них получают образование около трех тысяч человек.

Таким образом, мы видим, что более 25 процентов населения города составляют учащиеся и студенты.

Во всем городе насчитывается всего несколько десятков неграмотных.

Как не похож отдых дореволюционных бугурусланцев на культурный отдых нашего времени.

В современном Бугуруслане к услугам трудящихся четыре клуба. Клуб рабочих, инженерно-технических работников и служащих Бугурусланского нефтепромысла имеет хорошее помещение: зрительный зал на 300 мест, несколько комнат для кружковых работ, библиотеку.

Почти на берегу Кинеля расположен Дом учителя. Аллеи парка подходят к самой реке. Летом здесь тихо шумят деревья, плещется река, играет музыка, и молодежь танцует на площадке.

Есть клуб тракторной школы и татаро-башкирский клуб.

В центре города, против Ленинского сквера, зеленое здание в старорусском стиле выделяется остроконечными башенками; это бутурусланский театр. Коллектив артистов любит свою работу.

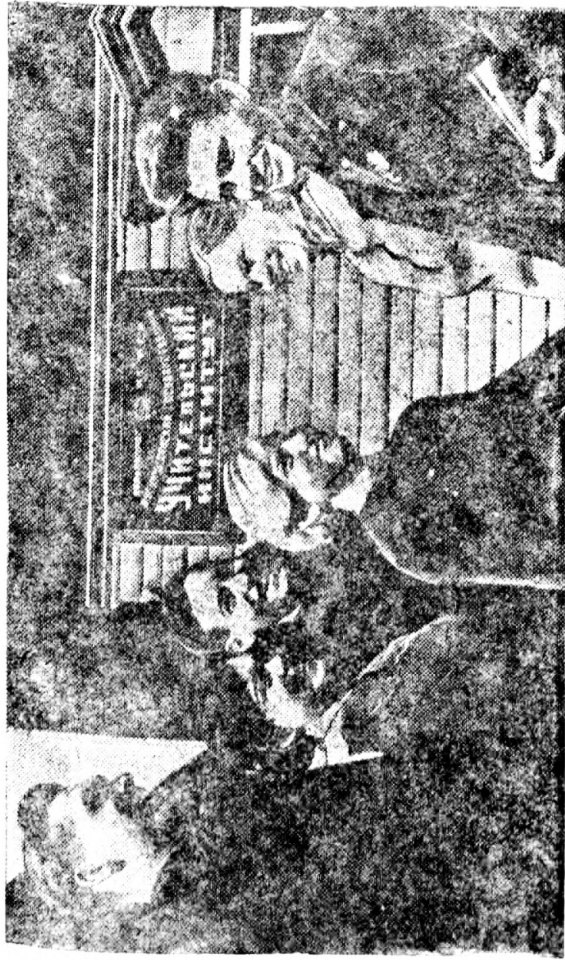
Трудящиеся Бутуруслана ценят театр. И очень часто бывает так, что имеющихся в театре 500 мест оказывается мало.

В городе есть два кинотеатра: «Молот» на 370 мест и «Октябрь» на 290 мест. Когда в них идут историко-революционные картины, очередь к кассам выстраивается еще днем. Так было с фильмами «Чапаяев», «Александр Невский», «Юность Максима», «Выборгская сторона», «Щорс» и т. д.

Любовь к искусству среди жителей Бутуруслана находит свое выражение в самодеятельном творчестве. Самодеятельные драматические коллективы хоры, певцы, декламаторы, танцоры, гимнасты часто выступают на вечерах. В многонациональном Бутурусланском районе развивается самодеятельность малых народов. Национальное по форме, социалистическое по содержанию искусство башкир, мордвы, татар расцветает под ярким солнцем Сталинской Конституции.

В ноябре 1938 года проводилась районная олимпиада. Свыше двухсот человек участвовало в ней.

В настоящее время в городе имеется районная библиотека, есть библиотеки при клубах, и, на

В 1930 году в Бугуруслане открыт учительский институт. На снимке студенты 1-го курса у здания учительского института.

конец, на окраине города работает изба-читальня.

И все-таки этого недостаточно. Хорошие книги не лежат на полках. Они переходят от читателя к читателю, возвращаясь только для отметки. На книги: «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Петр Первый» А. Толстого, «Поднятая целина», «Тихий Дон» Мих. Шолохова и др. читатели записываются на очередь.

Двухэтажное здание, одно из лучших в городе, стоит рядом с городским комитетом партии. На стене у входа доска с метеорологическими данными. Крашеная дверь с табличкой: «Краеведческий музей». Налево дверь ведет в отдел первобытного человека.

Любовно подобранные экспонаты, макеты, картины раскрывают жизнь первобытных людей. Сложный путь, проделанный человечеством от обезьяны до первого человеческого общества показан в музее. Экспонаты более позднего периода помещены в следующих комнатах.

Доспехи русского воина, сплетенные из тонких стальных колец, рассечены в нескольких местах, шлем помят, повидимому от удара мечом, а на спине и левой стороне груди зияет рваное отверстие.

В какой сече, с какими врагами погиб русский богатырь? Сколько воинов он положил, прежде чем удар копыя в сердце оборвал его жизнь?

Домашняя утварь, глиняные кувшины, каменные ступы, каменные и бронзовые наконечники стрел

и пожи рассказывают о жизни и быте человечества на первых ступенях его развития.

Эти два отдела наиболее часто посещают ученики. Они приходят целыми группами вместе с педагогами и, затаив дыхание, смотрят на диковинные, никогда невиданные, вещи и слушают про таинственную, полную опасностей и борьбы, жизнь наших предков.

В других залах музея: семья лис смотрит из кустарника, серый волк, оскалив клыки и поджав хвост, пробирается сквозь поросль молодняка. Утки плавают на болоте. Воробьи сидят на соломенной крыше, ласточки роют гнезда в береге реки. Работники музея стараются, чтобы эти экспонаты были совсем такие же, как звери и птицы в настоящей жизни.

В геологическом отделе встречаем бледнорозовую яшму, тяжелый, с блестящими искрами, колчедан, рассыпью белеет горка соли, как медовые пряники лежат ломти торфа, асфальтиты, в пузырьках переливается маслянистым блеском густая нефть.

Все эти богатства есть в недрах Бугурусланского района. Часть из них имеет промышленное значение и уже разрабатывается, кое-что разведывается, а многое еще мало известно.

В историко-революционном отделе музея на фанерном щите висит оружие бугурусланских партизан, которым они громили чехов, польских легионеров, Колчака: старая иззубренная шашка, кинжал,

откованный домашним способом, обрез русской трехлинейной винтовки, потертый паган.

Портреты героев гражданской войны смотрят с музейных стен ласково и тепло. Кажется, что они вместе со всеми радуются солнечному счастью советского народа.

В эту комнату посетители входят с особым чувством, они свято чтят память погибших борцов революции.

Подлинники и копии различных приказов Ревкома, приказы контрреволюционных властей, распоряжения и различные другие документы рассказывают о гражданской войне.

Уездные газеты, напечатанные на толстой серой оберточной бумаге, пожелтели, выгорели от солнца. Сбитый шрифт еле читается, но каким энтузиазмом веет от этих строк.

Люди подолгу стоят возле портрета товарища Куйбышева. Товарищи Куйбышев и Фрунзе остановили стремительное наступление колчаковских полчищ, нанесли им решительный удар, громили под Бугурусланом и Бугульмой и закончили полным разгромом врага под Белебеем. Белые полчища покатались к Уралу, не останавливаясь нигде. В панике и ужасе, бросая снаряжение, оружие, обозы, они бежали в Сибирь, где «верховный правитель Сибири» нашел свой бесславный конец.

Легендарный наездник Василий Иванович Чапаев был беляков под Бугурусланом. Славные чапаевцы дрались на улицах города.

Обо всем этом рассказывает историко-революционный отдел музея.

Сотни трудящихся ежедневно посещают свой родной музей. Достаточно сказать, что ежегодно в нем бывает до 20.000 посетителей, т. е. почти все население города.

Жители Бугуруслана любят свой город. Они с гордостью говорят: «наш музей», «наш театр», «наша электростанция», «наша больница», «наш техникум», «наша поликлиника», «наш музей на всю область первый», «в нашу больницу за 200 километров лечиться приезжают».

Лечебное дело и профилактические мероприятия в Бугуруслане действительно стоят на высоком уровне.

В городе насчитывается 16 различных лечебных учреждений: районная больница, туберкулезный диспансер, венерологический диспансер, туберкулезная и венерологическая амбулатории, эпидемический госпиталь, поликлиника, женская консультация, детские консультации, амбулатория и санаторий, малярийная станция, санитарно-эпидемическая станция, санитарно-бактериологическая лаборатория, скорая помощь.

В обычном уездном городе, где всего лишь два десятка лет назад был 1 врач, 1 фельдшер и повивальная бабка, теперь работают 35 врачей, 15 фельдшеров, 15 акушеров, 45 медицинских сестер.

Простое перечисление количества больниц, ам-

булаторий, поликлиник и медицинского персонала уже дает нам яркую картину заботы партии и правительства о здоровье трудящихся.

Эпидемические болезни, ранее косившие людей десятками и сотнями, сейчас становятся редкостью, потому что каждый случай заболевания изучается, больного изолируют и оказывают ему помощь. Трахома и сифилис, широко распространенные среди населения бывшего Бугурусланского уезда, теперь почти совершенно исчезли.

Все школьники и студенты находятся под наблюдением опытных врачей. Дети выезжают в пионерские лагеря. Они в полной мере используют солнце, воздух и воду для укрепления своего здоровья и сил.

Многие трудящиеся района проводят свои отпуска на курортах всесоюзного значения, областных курортах и в домах отдыха.

Как следствие оздоровительных мероприятий и общего подъема благосостояния трудящихся падает смертность и резко увеличивается рождаемость. Так, в 1938 году в Бугуруслане родилось на 111,5 процента больше, чем в 1935 году.

В городе сейчас имеется 8 детских садов, 2 яслей. Сотни детей находятся под присмотром умелых воспитателей. В чистых, светлых, теплых помещениях, окруженные заботой и лаской, дети живут весело и счастливо. Они участвуют в художественной самодеятельности, занимаются физкультурой, приобретают трудовые навыки, развивают таланты.

Есть Дом пионеров. В детской технической станции ребята заняты постройкой моделей самолетов, паровозов. Изучают электротехнику, увлекаются геологией и т. д. Родители спокойны за будущее своих детей.

Предоставим слово фактам:

«Б у г у р у с л а н. (Наш корреспондент). Трудящиеся города, готовясь к XVIII съезду ВКП(б), преподнесли детям замечательный подарок. Вступил в эксплуатацию новый детский сад на 100 мест.

Детский сад помещается в новом двухэтажном здании. Здесь большой зал, комнаты для игр, светлые столовые и спальни, ванные и душевые комнаты, 4 больших солнечных веранды. Прекрасное оборудование: маленькие дубовые столики, стулья, диваны, голубые кровати и белоснежные постельные принадлежности, ковры, масса игрушек, отдельный гардероб на каждого ребенка.

Часть ребят живет в интернате. Матери-работницы берут своих детей домой только на выходные дни. Остальные дети будут находиться в детском саду по 9 часов ежедневно.

На строительство и оборудование детского сада израсходовано 234 тысячи рублей».¹

Многодетные матери не испытывают нужды. Государство обеспечивает возможность безбедной жизни.

¹ «Чкаловская коммуна», 14/II 1939 г.

Со времени издания закона о запрещении абортов и выплаты государственного пособия многодетным матерям по Бугурусланскому району (вместе с городом) выдано пособий 110 матерям на сумму 396.000 рублей. Многие матери получили по 6—8 тысяч рублей, а Елена Лукьяновна Иванова — 10.000 рублей.

Многосемейные матери чувствуют и ценят заботу государства. Какой благодарностью дышат слова товарища Сукаевой. Она пишет:

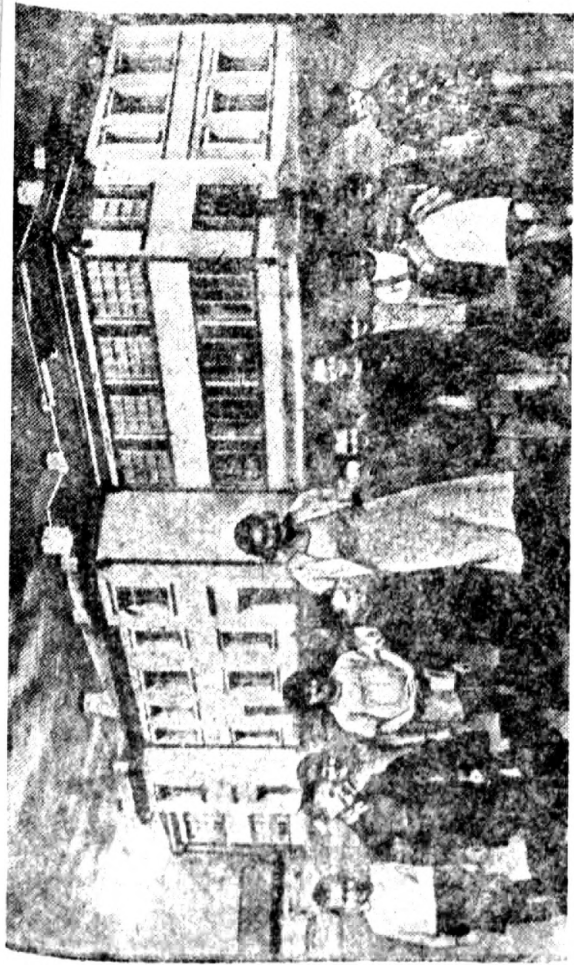
«Я мать восьми детей. 11 октября по многосемейности получила пособие 2 тысячи рублей. При царизме нам и во сне не снилось этого... Моим детям обеспечено светлое будущее. Старший сын находится в Красной Армии, 18-летняя дочь учится в институте, две дочери — в шестом классе, две — в начальной школе.

Большое спасибо товарищу Сталину за внимание к нам, многосемейным».¹

Бывшие беспризорные тт. И. Чанишева, И. Архипова и Г. Петрова прислали в газету «Бугурусланская правда» такое письмо:

«Мы стали счастливыми советскими гражданами, нужда нам сейчас неведома. Мы знаем одно: надо учиться — овладевать грамотностью и специальностью. Остальную заботу о нас несут наши воспитатели. Мы знаем, что нас больше всех любят наш любимый друг и отец

¹ «Бугурусланская правда», 16/X 1938 г.

Вновь выстроенное здание детского сада. На переднем плане дети старшей группы с воспитательницей на прогулке.

Иосиф Виссарионович Сталин, наша партия и комсомол...»

Особенно ярко проявляется забота о больных детях. Есть ужасная болезнь — туберкулез кости. Тысячи детей трудящихся становились в царской России из-за нее уродами и, промучившись несколько лет, умирали. Туберкулез — искривление позвоночника, горб, могила. Судьба детей, заболевших туберкулезом кости, сейчас стала совсем иной. Длительный курс лечения восстанавливает ребенку здоровье. Ребенок становится полноценным гражданином.

Бутурусланский костно-туберкулезный санаторий по праву может считаться в числе лучших санаториев Советского Союза. Лечебная работа поставлена так, что дети выздоравливают даже от самых затяжных форм заболевания. Они не чувствуют себя заброшенными калеками, а живут полноценной, интересной жизнью: учатся, рисуют, лепят, поют, декламируют, читают газеты. Это — жизнь бодрых духом и смелых сердцем. Только временно тяжелый недуг приковал их к постели.

В санатории мы встретились с Марусей Диковой. Она сейчас выздоравливает. Ее мать, вдова, колхозница колхоза «Прогресс», Тощкого района, прислала письмо в редакцию областной газеты, в котором пишет:

«Три года мучилась я со своей девочкой. Ничего не могла сделать. Обратились к депутату Верховного Совета СССР т. Ф. И. Колесову. Он

мне помог устроить на лечение мою дочку Марусю в Бугурусланский санаторий. Врачи ухаживали за ней, как за своим ребенком. За эту помощь я благодарю товарища Колесова и врачей, вернувших моей дочке здоровье и радостную жизнь.

А самое большое спасибо товарищу Сталину, коммунистической партии и правительству за горячую заботу о колхозных детях».

Директор костно-туберкулезного санатория, врач Федор Дементьевич Большаков, фельдшер Козьма Иванович Цирулин и учительница Клавдия Ивановна Петрова всей душой отдаются своему делу.

Их работу ценят советские и партийные организации Бугуруслана и всей Чкаловской области.

10 ноября 1938 г. на областном слете работников - ударников здравоохранения Бугурусланский детский костно-туберкулезный санаторий получил переходящее красное знамя, работники санатория — денежные премии, а врач Большаков — серебряный именной портсигар, на котором выгравировано: «За отличную медицинскую работу врачу Большакову Федору Дементьевичу от облздрава и обкома союза медсантруд, 12 ноября 1938 года, г. Оренбург».

11 декабря 1938 года трудящиеся Бугуруслана отметили 40-летний юбилей трудовой медицинской деятельности фельдшера Козьмы Ивановича Цирулина. На торжественном заседании Горсовета

ему вручили почетную грамоту и 1000 рублей премии.

Большим уважением и доверием граждан Бугуруслана пользуется учительница санатория, Клавдия Ивановна Петрова.

В течение нескольких лет ее неизменно избирают в члены городского Совета. Ей пишут письма, радостно приветствуют при встрече, приходят на дом за советом, или просто поделиться радостью или горем.

Внимание к детям в Бугуруслане, как и во всей нашей стране, сочетается с заботой о стариках.

Нельзя не привести полностью письма товарища С. Матеева. Он пишет:

«Мне 62 года. Из них много лет я отдал рабской подневольной работе на хозяев-кулаков, которые за гроши выматывали из меня мои молодые силы.

Далеко ушли те тяжелые, полные кошмара годы. Победа Октябрьской революции и советская власть раз и навсегда покончили с мучительным и рабским трудом, вдохнув в нас, стариков, новые творческие силы и желание трудиться.

Большое спасибо партии, правительству и товарищу Сталину мне хочется сказать за заботу о нас, стариках.

Я например, помимо заработной платы, получаю от правительства пособие по старости 150 рублей в месяц.

Мог ли я получать его в проклятом прошлом? Конечно, нет! Моя старость, согретая заботой партии и правительства, счастлива и обеспечена».¹

Из года в год растет материальное благополучие трудящихся, уровень потребления поднимается вместе с ростом зарплаты. На колхозном рынке Бугуруслана обилие продуктов. В ларьках, на телегах, мы видим упитанные туши коров, свиней, баранов, поросят. Желтое плотное масло кружками лежит на тарелках и блюдах. Выстроились в ряд бидоны и четверти с густым молоком. Сотни яиц белеют в кошолках и ведрах. Мешки с мукой и картофелем стоят на возах.

Трудящиеся все больше приобретают такие предметы, которые ранее считались роскошью. Редкая семья в Бугуруслане не имеет патефона, или велосипеда, или швейной машины. У многих над домами возвышаются антенны, а в квартирах стоят радио-приемники.

Токарь машинно-тракторной мастерской Н. В. Клеменков пишет:

«Я сын рабочего. Отец работал по найму на мельнице, а мать стирала белье на богатей Бугуруслана. Жили, перебивались с куска на кусок. Моя жизнь до советской власти, как и многих рабочих царской России, была тяжелой и мрачной.

Не проучился и 3-х лет в школе, как мать

¹ „Чкаловская коммуна“, 15/IV 1939 г.

отдала меня в ученики в кузнечный цех, к кустарю Кузьмину. Этот изувер издевался над мной, как хотел, а платил за работу гроши. Учиться и читать нам не разрешали. Сидишь, бывало, в цеху, читаешь книжку. Хозяин подойдет сзади, выхватит ее и бросит в горн. Мало этого, по шее даст.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила меня, как и всех трудящихся нашей страны, от эксплуатации буржуазии.

С 1932 года я работаю в машинно-тракторной мастерской. Жизнь семьи рабочего с каждым годом улучшается. Сейчас я токарь. Нормы выработки ежедневно выполняю на 200—250 процентов, зарабатываю более 500 рублей в месяц.

Семья у меня из 4-х человек. Живем хорошо, счастливо.

Советская власть помогает учить детей. Сын Юрий учится в 5-м классе, дочь Галя все время получает оценки «хорошо» и «отлично».

Квартира у меня теплая, светлая просторная. Имею патефон, радио. С работы приду и отдыхаю культурно»...

Стахановец Бугурусланского нефтепромысла тов. Литвинов весь год перевыполнял нормы на 150—200 %, внес ценные предложения и получил премию 3000 рублей.

На промысле насчитываются сотни рабочих, заработок которых достигает 700—800 рублей в месяц.

Трактористы тракторной бригады № 3 Бугурусланской МТС Макар Иванович Давыдов и Иван Иванович Пилюгин в 1938 году заработали по 1500 трудодней.

Уже в середине 1939 года на молодом еще Бугурусланском нефтепромысле насчитывалось 376 стахановцев. Десятки стахановцев есть и на других предприятиях города.

Правда, в Бугуруслане только начинается развитие промышленности. До создания нефтепромысла в городе имелись в большинстве кустарные или полукустарные мастерские, промышленные артели, производственные объединения.

Артель инвалидов «Красные бойцы» насчитывает 207 рабочих, из которых 181 человек — члены артели и 26 вольнонаемных.

Артель охватывает самые разнообразные отрасли производства: гончарную, сапожную, швейную, головных уборов, пищевую, деревообрабатывающую, жестяную, металлообрабатывающую (делает ножи и замки), химическую, игрушечную. В 1938 году она произвела продукции на 937806 рублей.

В машинно-тракторной мастерской на 1 января 1939 года работало 84 человека. За 1938 г. МТМ выпустила валовой продукции на 587007 рублей.

Транспортная артель «Гужевик» имела в своем составе 83 члена артели и 7 вольнонаемных рабочих. Валовая продукция артели за 1938 год составила 403146 рублей.

На 543870 рублей выпустила продукции коопе-

ративно-промысловая артель «Красный канат»; среднее число рабочих в 1938 году составляло 79 человек.

Есть в Бугуруслане электростанция, водокачка, мельница, элеватор, кирпичный завод; значительное число рабочих занято на железной дороге.

С развитием нефтепромысла перед городом открываются замечательные перспективы.

Бугуруслан входит составной частью во «Второе Баку». По мере увеличения действующих скважин и добычи нефти будет возрастать значение Бугуруслана как промышленного центра.

БУДУЩЕЕ БУГУРУСЛАНА .

XVIII съезд ВКП(б) признал одной из решающих задач третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства—создание в районе между Волгой и Уралом новой нефтяной базы—«Второго Баку».

Нужно представить себе современный Баку с его большими размерами добычи нефти, чтобы понять все величие и грандиозность этой задачи.

«Теперь нельзя рассматривать нефть только с точки зрения топливной, энергетической. Каждый понимает, что без нефти нет и трактора. А раз нет трактора, нет хлеба, хлопка. Без нефти нет автомобиля, нет авиации» (Л. Каганович).

Созданием «Второго Баку» решается много очень сложных вопросов, имеющих большое значение

ние для государства. Прежде всего будет создана крепкая база для индустриализации восточных районов СССР.

Трудно переоценить и военно-стратегическое значение нефтяного района, расположенного в центре страны.

На востоке теперь есть нефтяная промышленность. Ишимбаевская, Туймизинская, Сызранская и Бугурусланская нефть уже идет на заводы, фабрики и в сельское хозяйство. Запасы нефти в восточных районах чрезвычайно большие.

«Сейчас еще не закончены работы по подсчету запасов нефти Урало-Волжской области на основании новейших данных разведки и эксплуатации ее месторождений и потому еще нельзя перевести ее богатства на язык точных цифр.

Но для иллюстрации роста наших знаний об этой области приведу только те изменения, которые произошли всего за один 1937 г.

За 1937 г. промышленные запасы области возросли с 34,6 миллиона тонн до 154,6 млн., т. е. почти в 5 раз.

Запасы категории C_1 (предполагаемые запасы) увеличились с 436,6 млн. тонн до 1.000,0 млн. тонн и запасы категории C_2 (перспективные запасы) с 721,3 млн. тонн до 1539,7 млн. тонн.

Таковы результаты только одного года настоящей борьбы за новую нефтяную базу в центре страны. Здесь Советский Союз имеет возмож-

ность развернуть в больших масштабах добычу нефти. Третья сталинская пятилетка будет свидетельницей того, как между Уралом и Волгой возникнет «Второе Баку». (Академик И. М. Губкин «Правда» 30-XI—1938 года).

Большое количество нефти, залегающей на малой глубине, и высокое качество этой нефти обеспечивают Бугуруслану значительное место в общей системе «Второго Баку».

«Здесь можно набурить множество мелких скважин и получить большое количество нефти». (Академик И. М. Губкин «Правда» 30/XI—1938 года).

Первые сведения о наличии нефти на территории бывшего Бугурусланского уезда относятся к середине XVIII века. В книге П. И. Рычкова «Топография Оренбургской губернии» мы находим следующее сообщение:

«По определению государственной Берг-Коллегии, июля 16 дня 1754 года, на прошение татарского старинины Надыра Уразметова, дан ему, Надыру, с сыном Юсупом, указ:—«Около Закамской же линии, на речке Кармале, завод завести, для которого они по близости четыре нефтяных ключа сыскали и ту матерью оной коллегии на пробу объявили, по учиненному в той коллегии опыту явилась действительна».

Тот же Рычков на стр. 315—316 пишет:

«Поблизости сего пригорода (Сергиевска) на-

ходятся многие минеральные земли и воды, которые достойны нарочного испытания, а особливо серы горючей и нефтяных вод находят тут много.

Господин доктор медицины Ридер по бытности своей там, сказывал: неподалеку от Сергиевска сам видел он множество водяных из гор текущих ключей, в коих вода, повидимому, хотя и весьма чистая, но имеет сильный нефтяной запах, и на поверхности ее настоящая нефть видима.

Ставропольский комиссар Моисей Александров сын Богданов, любопытный читатель книг, муж довольного искусства и вероятия, уведомил меня письмом своим от 2-го октября 1759 года, что он в сентябре месяце того года, будучи за своими нуждами далее Сергиевска, поболее 30 верст, видел речку, которая по татарски именуется Айряки, а по российски Молочная: и по ее обстоятельствам достойна она особого примечания, ибо сначала от самых вершин верст на семь или больше имеет воду хорошую, и в летнее время студеную, и так впадает в озеро, которое по длине сорок, а ширины с 25 сажень, глубина местами в сажень, а инде меньше аршина. На дне сего озера видны разноцветные признаки, а именно синие, желтые, белые, черные и зеленые, а на поверхности воды примечается материя, на подобие дегтя, и производит дух весьма противный. Помянутая речка, про-

текины сне озеро, становится уж так бела, как молоко, и течет такою версты на две или полторы, впадает в реку Сургут, где еще несколько своей белизны имеет, но потом скоро умалает оную, и получает чистую воду такую, какову в вершине своей имела. Означенное озеро от пригородка Сергиевска в 30, а от чувашской деревни Иштулкиной в 8 верстах».

Паллас в книге «Путешествие по различным провинциям Российской империи» (изд. 1773 года) указывал на признаки нефти в этих местах.

Геологи Романовский и Гельмарсен в течение ряда лет весьма тщательно исследовали районы предполагаемых месторождений нефти. Однако технические средства того времени не позволяли вскрыть характер и нефтеносность района.

Некий Шандор в 1876 г. заложил несколько скважин в Бугульминском и Бугурусланском уездах. Они по тому времени имели значительную глубину, однако не превышали 350 метров и до нефти не дошли.

Появляются в геологических кругах две точки зрения. Одни говорили, что в Волжско-Уральском районе искать нефть бесполезно, другие, основываясь на теоретических открытиях академика Алексея Петровича Павлова, совершенно правильно утверждали о необходимости производства поисков нефти на большой глубине.

В годы, предшествовавшие империалистической войне, огромный интерес к Волжско-Уральскому

району проявляли иностранные нефтяные фирмы.

Нобель, скушал приговоры крестьянских общин, запрещающие производство на их землях каких-либо геологических работ. А сам вел усиленные разведки, особенно в районе Камышлы.

Таким образом, непосредственно перед Великой Октябрьской революцией и позднее, в течение нескольких лет, в отношении Урало-Волжской нефтеносной области сканливались и наслаивались самые различные отзвыы. Лишь в 1928 — 1929 годах вновь начались поиски нефти. В 1929 году была получена нефть в районе Верхне-Чусовских городков из скважины, заложеной на соль.

Но поиски, а тем более эксплуатация скважин, всячески тормозились вредителями. Глубокие разведки почти не производились, и даже еще в 1930 году нефтеносный район напоминал пустыню.

В 1932 году в Ишимбаево забили два нефтяных фонтана.

В 1936 году в Бугурусланском районе «Востокнефть» провела геологические съемки. Она обнаружила в породах татарского яруса, выведенных на поверхность, нефтяные признаки — запах нефтяного газа и маслянистые пятна.

Благоприятные данные, полученные от разведки, послужили основанием к глубокому разведочному бурению.

Первая скважина креплюсной партии (скважина

№ 20) подтвердила наличие в Бугурусланском районе промышленной нефти.

В 1937 году было заложено три глубоких разведочных скважины. Они находились в черте земель города Бугуруслана, на берегах реки Кинель и в 3 километрах от железнодорожной станции Бугуруслан.

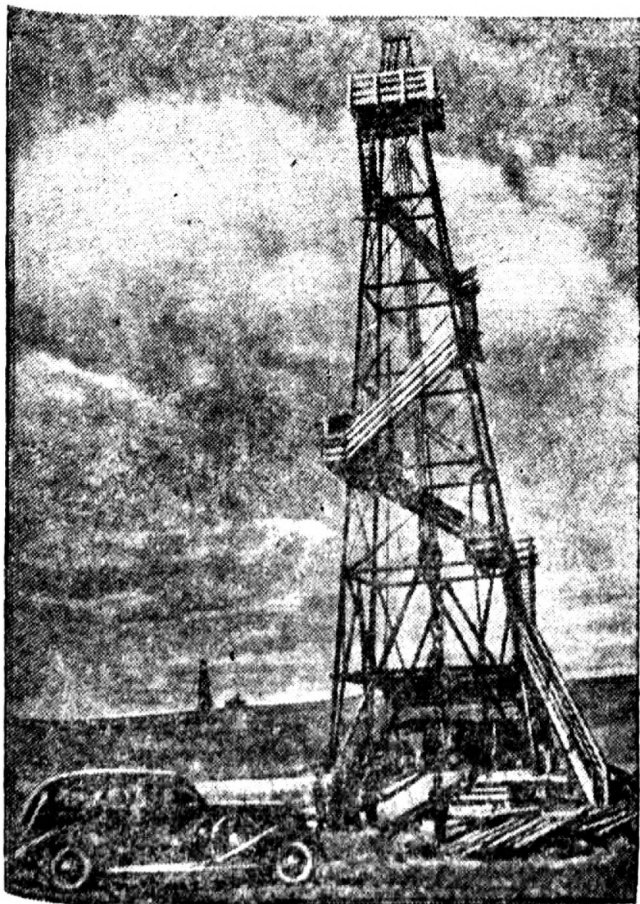
27 июля 1937 года из скважины № 1 получили первую нефть промышленного значения. Пробное таргание показало максимальное количество нефти и нефтяной эмульсии до 16 тонн в сутки.

Это была получена нефть так называемого первого горизонта, с глубины 250—300 метров.

Скважина № 3, заложённая по соседству с первой, достигла глубины 700 метров и тоже вскоре начала давать нефть.

В 1938 году Бугурусланский район, ещё полностью неразведанный, становится нефтедобывающим.

Партия и правительство уделяют огромное внимание «Второму Баку». Только в 1939 году Бугурусланскому нефтепромыслу правительство отпустило 18,5 млн. рублей. Строятся электростанция, гараж, кузница, баня, механическая мастерская, общежития, дом инженерно-технических работников и т. п. Предполагается постройка подъездных железнодорожных линий, резервуаров для хранения нефти, эстакад. Есть основания предполагать, что в Бугурусланском районе будут построены

Нефтепромысел. Вуровая экспериментальная вышка
„РА—100“ за работой на скважине № 289.

нефтеперерабатывающий завод, лако-красочный завод и газовый завод для использования естественных газов.

«Второй Баку» должен дать в 1942 году 7 млн. 700 тысяч тонн нефти, то есть увеличить добычу по сравнению с 1937 годом в 7 раз, в том числе бугурусланские нефтепромыслы должны дать 400 тысяч тонн.

На территории Бугурусланского района есть не только нефть. Недра земли хранят в себе множество ценных ископаемых. Свыше 300 месторождений рудных и нерудных ископаемых открыто местными любителями - краеведами.

В 1935 году колхозники села Садки рыли котлован и обнаружили в земле какую-то черную цвета массу, пахнущую керосином. О своей находке они сообщили в бугурусланский краеведческий музей. Директор музея выехал в с. Садки, расчистил поверхность находки и установил, что пласт этой массы скрыт очень небольшим слоем земли.

С помощью местных партийных и советских организаций были добыты и отправлены в Москву на исследование первые образцы. Такие же образцы музей разослал на различные заводы.

В результате исследований оказалось, что обнаруженная черная с керосиновым запахом порода — асфальтит.

Асфальтит, попросту говоря, сухая нефть. Миллионы лет назад в земной коре образовалась трещина, через которую вылилась из недр земли нефть.

Под влиянием различных природных сил она частично испарилась, частью окислилась, начала густеть и, в конце концов, образовала твердый минерал.

Садкинское месторождение сейчас частично эксплуатируется.

В бугурусланском краеведческом музее экспонированы различные изделия, производимые из садкинских асфальтитов.

Многие, видя черный блестящий красавец - автомобиль, не предполагают, что на окраску его употреблен асфальтитовый лак. Самые разнообразные электроприборы: выключатели, аккумуляторные стаканчики и т. п. делаются из асфальтита.

Открытие садкинских асфальтитов привлекло внимание геологов, партийных и советских организаций к Бугуруслану.

Обследовано более 140 других месторождений: гипсовых, торфяных, горной кожи, горного льна, медной руды, серного колчедана, марганцевой руды, битуминозных песчаников и т. д.

Конечно, не все они имеют промышленное значение, но уже сейчас можно безошибочно утверждать целесообразность разработки торфа, имеющегося на болотах вблизи Бугуруслана. Для местных нужд: отопление жилых домов, электростанций, мелких полукустарных предприятий бугурусланский торф вполне пригоден, и запасы его достаточны.

Не меньшее значение имеет добыча известняка.

На строительство дорог и различного рода со-

оружий, на фундаменты зданий идет бутовый камень. Его очень много в Бугурусланском районе.

Бугурусланский нефтепромысел сыплет свою роль в экономическом и культурном развитии города, тяжелая промышленность повлечет за собой создание новых предприятий местной легкой промышленности. Увеличение добычи нефти вызовет еще большее расширение промысла. Топливная база обеспечит разворачивание новых заводов и фабрик. Потребуется новый приток рабочей силы, начнется строительство различных вспомогательных объектов. Увеличится население города.

Новые дома, клубы, парки, рестораны и другие здания украсят улицы. Расширится торговля. Улучшатся средства связи, культурное обслуживание. Для обслуживания граждан понадобятся швейные, сапожные, трикотажные мастерские, бани, парикмахерские, прачечные и т. п.

Вырастут уютные коттеджи нового социалистического города. Ярко запылают огни в окнах больших театров и клубов. По широким асфальтированным улицам помчатся блестящие автомобили.

В школах, техникумах, вузах города будут учиться тысячи молодых бугурусланцев. Из сотен скважин, по трубам нефтепровода потечет в разные концы нашей страны тяжелое черное золото.

Из захолустного городишки, каким был Бугуруслан до революции, он превратится за годы третьей и четвертой сталинских пятилеток в мощный промышленный центр.

БУРОВОЙ МАСТЕР

В 1936 году в Бугуруслан приехали ~~не~~знакомые люди, они бродили по полям, влезали на склоны высот, копались в ложинах и оврагах.

— Нефть ищут, — пополз по городу слух.

Обыватели шипели:

— Ехали бы в Баку и там ковырялись.

— Из Бугуруслана Баку не сделаешь...

А приезжие делали свое дело.

Началась закладка мощных скважин роторного бурения.

На окраине города, почти на берегу реки Кинеля, поднялась к небу высокая, стройная вышка, недалеко от нее — вторая, третья.

Редкой, пока еще, ценой опоясали они город.

Работа кипела. 28 июля 1937 года бугурусланцы прочли в газете:

«Нефть есть.

Рабочий коллектив промысла одержал победу. Скважина № 1 роторного бурения дала нефть промышленного значения.

После нового бурения в 6 метров (скважина имеет глубину 285 м) усилился приток нефти.

26 июля отмечено было 3 сильных выброса жидкости, которые непрерывным фонтаном шли в про-

должение 4 — 5 минут. Нефть фонтанировала со скоростью 5 — 7 метров в секунду.

В ночь на 27 июля на буровой было решено приступить к тартанию. В эту ночь скважина выдержала серьезный экзамен на нефть.

Только за 6 часов тартания — посредством 90 желонок — было взято 5 тонн нефти.

Бугурусланская нефть есть! Ее будут выкачивать из скважины. Вычислено, что за сутки скважина даст не менее 10—12 тонн нефти».

Жители хлынули к вышке, они смотрели, как на земле расплываются черные с радужной пленкой пятна нефти, брали ее на — ощупь, качали головами:

— Настоящая!?

— И пахнет керосином!?

— Наша бугурусланская нефть!

Первая бугурусланская нефть из скважины № 1 наполнила металлический бак. Спешно готовились к пуску скважин № 2 и 3. Но однажды ночью на буровой № 2 к лягу и прохоту инструмента, к сильному дыханию пара примешался тонкий пронзительный свист. Остро запахло в воздухе светильным газом, задрожали, забились роторные челюсти, соленая вода брызнула из щелей, обдала рабочих, они шарахнулись в стороны, роняя инструмент. Газ тронулся сильнее, многопудовые железные плиты, закрывавшие скважину, приподнялись. Газ засвистел, застонал, вода струей ударила вверх, электрическая лампочка лопнула,

как детский шарик, и разлетелась. Газ попал на раскаленные проводники, и вдруг вся вышка оза-рилась пламенем.

Несколько мгновений люди смотрели, словно оцепенев, затем кинулись к вышке, но пламя жгло, палило нестерпимым жаром.

В городе на пожарной каланче тревожно зазвонел колокол. На автомашинах, пепком спешили рабочие спасать буровую.

В числе первых прибежал с соседней буровой помощник бурового мастера Тимофей Иосифович Залитко.

Ветер сбивал пламя, и огненные языки его угрожающе взметнулись к паровым котлам, к дощатой кочегарке.

Залитко сорвал с себя брезентовую куртку, окунул ее в бочку с водой и, обмотав лицо, ки-нулся с мешком цемента к вышке, вбежал в се-редину. Пламя металось над скважиной, длинные языки его, казалось, ползали по земле, как широ-кие книжалы вздымались вверх.

Размахнувшись, Залитко швырнул на устье скважины мешок с цементом, но тот, не успев при-коснуться к земле, подброшенный газом, огнен-ным метеором взлетел вверх.

За Тимофеем Иосифовичем в огонь пошли, ос-тальные рабочие, они бросали на скважину мешки с цементом. Но этот опасный труд был бесполезен. Газ разбрасывал мешки в стороны.

Начали спасать деревянные детали оборудова-

ния, растаскивать железные трубы, канаты, вытаскивали из пламени машину.

Пожар был виден из города. По-разному встретили его жители. Многие служащие учреждений, рабочие предприятий поспешили на помощь, предлагая нефтяникам свои услуги. Но нашлись обыватели, злобно шипевшие:

— Нефть горит!

— Пушай все сгорит!

Седенький попик возле церкви внушал верующим старухам:

— Божье наказание за грехи наши!...

Тимофей Иосифович Залитко, вспотевший, обожженный, хрипло кричал, командовал, бросался в огонь, личным примером увлекая рабочих. Нужно было спасти во что бы то ни стало скважину.

Скважина — это десятки тысяч народных денег, это месяцы напряженной работы, наконец, скважина это путь к нефти, которую ждет страна.

В 1924 году Залитко работал сезонником на железной дороге, а с 1925 года пошел по буровому делу. Почти неграмотный, Залитко прошел все должности. Около года работал рабочим, помощником бурильщика, в 1933 году на Башнефти стал бурильщиком, окончил курсы мастеров. В 1936 году закончил досрочно сложную буровую.

Да не один раз, а все время, всегда сдавал свою работу Тимофей Залитко досрочно с высокой оценкой за ее качество... Залитко неоднократно был

премирован. За эти 13 — 14 лет он полюбил свое дело.

И теперь, ни минуты не задумываясь, Тимофей Иосифович отдал бы свою жизнь для спасения буровой.

Четыре дня продолжался пожар, четверо суток, днем и ночью, весь коллектив самоотверженно боролся со стихией.

И вдруг простая мысль осенила Залитко. Газ выбрасывается из скважины под давлением, а если... если мы ему навстречу пустим большее давление... тогда он вынужден будет искать других выходов или подчиниться воле человека. Он шагнул к кочегарке и буквально лицом к лицу столкнулся с кочегаром. Они встретились взглядами.

Голубые глаза кочегара блестели весело, — он улыбался.

— Мастер! — крикнул он Залитко.

— Я не мастер, а помощник.

— Плевать! Не в этом дело. Ведь инженер тебе поручил потушить пожар... И сейчас ты здесь главный.

— Ну, я...

— У меня в котлах давление подходит к пределу, — сказал кочегар, словно читая мысли Залитко.

— Друг! — крикнул Тимофей Иосифович и обнял кочегара.

— Пошли!

Через несколько минут пар по трубам и широкому шлангу ударил в пламя.

Белое облако окутало вышку, заревол, заключал, забился газ в неравной борьбе с паром.

Несколько раз взметнулись огненные языки вверх, стараясь дотянуться до вершины вышки и бессильно поникли. Пар сбил огонь на поверхности и теперь хлынул в скважину, загоняя взбутовавшийся газ обратно в недра земли...

Одновременно стали заливать в скважину глинистый раствор. Более 60 кубометров желтой жидкости ушло в узкое горло, тяжестью своей придавливая газ.

Пожар был потушен и прочная стальная заглушка закрыла горло скважины...

* *
* *

Быстро вертится огромный барабан; слегка поскрипывая, ровными рядами ложится на нем стальной канат; извиваясь через сложную систему блоков, он уходит вверх и тянет за собой так называемую «колонну». С металлических труб сочится светлобурная влага. Земля плачет слезами пермских и девонских отложений.

Куски породы, тысячелетия пролежавшие в недрах земли, извлекаются наружу...

— Окремелые доломиты, — говорит главный инженер, рассматривая обломок, на котором отпечатались следы какого-то растения.

— Чертовски твердая порода, — отвечает Залитко. — Стекло режет, что твой алмаз.

— Ну, ничего, хоть понемножку, а все лезем да лезем вглубь, скоро нефть будет.

Вокруг вышки шумит ветер, проникая сквозь щели в дощатой загородке, он жжет лица рабочих, намечает к вышке и сарайчику с паровым хозяйством горы снега.

— Замеряй, — кричит Залитко своему помощнику.

А через несколько минут в теплой тесовой будке Тимофей Иосифович вместе с главным инженером склоняются над геологическим разрезом скважины...

— Пройдено 1316 метров, скоро ожидается нефть!

НАЧАЛЬНИК БУРОВОЙ

Есть на бугурусланском нефтепромысле коммунист, начальник буровой — П. Н. Тощев. Он известен всему коллективу промысла. Большой и трудный путь проделал тов. Тощев, прежде чем стал специалистом высокой квалификации.

Предоставим слово ему самому:

«Детство мне помнится так: скудная похлебка, разговоры отца о нужде, бесхитростные детские игры, серенькая школа, улицы родной деревушки. Я не могу ничего вспомнить, что можно было бы назвать днями, золотого детства. Большая семья обременяла моего отца. С десяти лет я пошел пасти скотину. Бедность не дала мне закончить даже сельскую школу.

Великую Октябрьскую революцию я встретил 17-летним юношей, пошел в Красную Армию и воевал против разных беляков и интервентов.

В 1923 году демобилизовался. В своей деревне прожил недолго. Захотелось на производство.

Приехал в Грозный. Всюду высокие нефтяные вышки, машины, черная нефть течет по трубам и желобам в большие металлические баки. Без раздумий решил я стать нефтяником, поступил на промысел, начал изучать новое дело. Научился бу-

рить, затем переехал в Баку. В 1930 году вступил в ВКП(б).

1931 год застал меня на Урале. Здесь я стал буровым мастером. Далее я работал на разведках в Саракташе, Соль - Илецке, а с 1937 года в Бугуруслане. Ставил первую фоторную вышку в новом нефтяном районе. 5 июня 1937 года она дала нефть. Самая богатая нефтью скважина № 3 тоже моей работы, глубина у нее порядочная — 700 метров.

В Красноярске я пробурил две скважины глубиной 1300 и 1800 метров, в Соль-Илецкой разведке — одну скважину на 2000 метров, а всего 17 скважин.

В моей семье 6 человек: жена, четверо детей. Из них трое учатся. Заработок мой растет из года в год. В месяц получаю до 700 — 800 рублей. Получил премию за досрочно сданные скважины №№ 7, 10, 35. Недавно выдвинули меня начальником буровой скважины.

Вместе со мной на работе выросли буровые мастера Морчков и Горчаков. Раньше они были чернорабочими».¹

Тов. Тощев — стахановец, соревнуется с другими начальниками буровых, борется за первенство. Он хочет чтобы его буровая была лучше всех на промысле и чтобы промысел стал лучшим в Советском Союзе.

¹ „Бугурусланская правда“, № 239. 1938 г.

ДОКТОР ФИАЛКОВ

Доктор Фиалков бережно хранит целую пачку документов. Среди них — благодарность от воинской части за спасение жизни красноармейца, почетная грамота районного отдела здравоохранения за самоотверженную и плодотворную медицинскую деятельность, еще благодарность, еще почетная грамота, еще и еще...

Премии, благодарности, почетные грамоты, как веки, отмечают жизненный путь хирурга Виктора Константиновича Фиалкова. Еще молодым после окончания университета приехал он в Бугурусланский уезд и с головой ушел в работу. Это было до революции.

Вскоре после приезда Фиалкова вызвали в дальнее село на трудные роды: ребенок шел в поперечном положении. Роженице угрожала смерть. Широко раскрыв глаза, женщина кричала полным отчаяния и муки голосом, металась по широким деревянным, забросанной тряпьем, кроватям.

Ее муж стоял у порога и мял облезлую баранью шапку, иногда прикладывая ее к воспаленным глазам. На печке, в самом темном углу, жались друг к другу пятеро маленьких ребят.

Все это увидел врач, пока снимал пальто, рас-
паковывал инструменты, мыл спиртом руки и ос-
матривал больную.

— Ребятишек — к соседям, а ты, хозяин,
вымой руки и останься, — приказал врач и сам
удивился уверенности своего голоса.

Кровать отодвинули от стены, набросили бе-
лую простынь, пару чистых полотенец принес хо-
зяин.

Фиалков еще раз взглянул на измученное ли-
цо женщины, вспомнил ее ребятишек! Для колеба-
ний не было места, он решил попробовать повер-
нуть ребенка, и если ничего не получится, то вы-
нуть его по частям, но спасти жизнь матери.

Операция прошла удачно, ребенок уже не-
сколько мгновений лежит на руке молча. Фиалков
другой рукой слегка подшлепывает его, и изба на-
полняется криком родившегося человека.

Все годы империалистической войны врач Фи-
алков провел на фронте — в полковом лазарете.
Однажды ночью начался бой. Немцы по всему фрон-
ту перешли в наступление. С передовых линий
доносился треск винтовочных выстрелов, непре-
рывное татаканье пулеметов.

Над головой с протяжным завыванием проно-
сились снаряды и с грохотом рвались цепочкой
от лазарета.

Из окопов вереницей брели раненые с прост-
реленными руками, раздробленными суставами, ок-
ровавленными лицами. Они спешили выбраться из

прохочущего ада. Санитарная двуколка не успевала подвозить солдат, получивших тяжелые ранения.

В маленькой комнате, служившей врачу операционной, тесно. Еле успевают накладывать повязки, излекать пули, ампутировать раздробленные конечности.

На операционном столе стонет раненый солдат, скинув окровавленную голову. Пуля, пробив шею, застряла внизу, под ухом. Если во время ее не извлечь — смерть.

Виктор Константинович при свете керосиновых мигалок старается найти пулю...

За окнами пылают зарницы оружейных вспышек. Разрывы происходят все ближе и ближе к лазарету. Наконец послышался какой-то странный треск, свист осколков, и потолок прогнулся.

— Крышу снесло, — испуганно закричал кто-то снаружи. Фельдшер и сестра бросились к двери.

— Назад! — приказал Фиалков.

Фельдшер и сестра смущенно и нехотя вернулись на свое место. Операция продолжалась. Пуля была удалена.

Доктор Фиалков всегда честно и добросовестно работал на медицинском поприще, пренебрегая опасностью, проявляя большую человеческую заботу о человеке.

В годы гражданской войны хирург Виктор Константинович Фиалков был врачом 6-го Самарского полка. Вместе с красноармейцами переносил он

лишения походной боевой жизни, в любых условиях выполнял свой долг.

6-й Самарский полк выступил к Уральску против дутовских банд. По замыслу командования, он должен был завершить окружение и разгром белогвардейцев.

Но черная змея - измена свила себе гнездо в самом сердце полка. Штаб, состоявший из бывших офицеров, во главе с командиром переметнулся на сторону белых. Полк тогда возглавил политический комиссар. Под натиском белых полчищ часть с боем отходила к Кузнецку. Белоказачьи сотни, как волчьи стаи, наседали со всех сторон.

Снаряды непрерывно рвались на дороге, по которой отступали бойцы. Пули повизгивали над головами. Время от времени кто-нибудь из красноармейцев падал.

Доктор Фиалков моментально оказывался возле раненого. Острые ножницы разрезали одежду, и на рану ложилась белоснежная повязка.

Полк вышел из боя, не оставив белаякам не только ни одного раненого, но даже и убитых забрали с собой.

В тифозных бараках, в полевых госпиталях закалялась и испытывалась воля и преданность доктора Фиалкова, его готовность в любых, даже самых трудных условиях служить делу советской медицины.

На станции Бугуруслан красноармеец Субаев

переходил через пути. Темная ночь была наполнена паровозными гудками, лязгом буферов, звуками рожков.

— Теплынь - то какая, — подумал красноармеец.

В это время его обдало облаком пара, и мимо с шипением и трохотом промчался маневровый паровоз. В тот же миг Субаев почувствовал, как по голове ударило чем-то твердым, и он, теряя сознание, упал лицом вперед.

Красноармейца вскоре нашли товарищи. Он лежал на влажной земле, широко раскинув руки. Крупнозернистый песок, как губка, впитывал кровь, сочившуюся из разбитой головы, носа и рта. Красноармейца на машине доставили в городскую больницу. Там его уже ждал хирург Фиалков.

Субаев не приходил в сознание. Он лежал на операционном столе, кровь сочилась и крупными каплями стекала по щеке. Рану промыли, очистили от волос. Мозг был нетронут, но кость раздроблена, и мелкие осколки ее лежали на стекловидном покрове. Осторожно, быстро и споровисто удалил их из раны хирург, наложил повязку и отошел к окну.

В эту ночь Виктор Константинович не ночевал дома.

Вниманием, заботой, прекрасным уходом окружил коллектив больницы раненого красноармейца. Он остался жив. Это было большой радостью для коллектива больницы, главным врачом которой являлся хирург Фиалков.

Как память об этом у Виктора Константиновича хранится выписка из приказа по части. В ней ему объявлена благодарность.

В Бугуруслане каждый знает доктора Фиалкова, каждый находит теплое слово, когда говорит о нем:

— Наш доктор! Золотые руки! Свой человек!

К нему приезжают из других районов.

Двадцать восемь лет врачебной практики убелили волосы тов. Фиалкова сединой, но не убили в нем творческого огня и энергии. Помимо работы в больнице он—председатель научного медицинского общества, он следит за последними достижениями медицины, выступает с научными и популярными докладами, пишет статьи в газеты и журналы, разрабатывает и поднимает на обсуждение новые вопросы хирургии.

НАРОДНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

— Сухарева! Вы плохо знаете урок. Ваш мужицкий ум не способен к учению, — сказал презрительно преподаватель.

Рассеивая фиолетовые брызги, по классу промелькнула чернильница и со звоном рассыпалась на столе! Преподаватель, закрывая лицо белой рукой с длинными блестящими ногтями, пронзительно закричал:

— Бунт! Хватайте ее! Держите! Бунт!

В классе поднялся переполох: гимназистки вскакивали с парт и с визгом выбегали в коридор. Только маленькая девушка в коричневом платье рыдала, опустив голову; худенькие плечи ее вздрагивали.

Служители подскочили к ней, выволокли из-за парты и потащили. Девушка не сопротивлялась. Из-под черных бровей, как у затравленного зверька, смотрели карие глаза.

Навстречу спешил инспектор и директриса гимназии: — Мерзавка! Прикащикья дочь! Вон! Вон! Чтобы ноги твоей здесь больше не было!

На плечи ей швырнули ветхий платок и потер-

тую с облезшим воротником шубенку; с бранью и криком вытолкали за ворота...

Клавдия Сухарева медленно брела по улице. Под ногами скрипел чистый рассыпчатый снег; тусклое зимнее солнце, как золотая монета, висело в небе. Когда пришла домой, отец встревоженно спросил: — Ты что, доченька!

— Выг... Выг... выгнали,— еле смогла ответить дочь.

Отец сразу посерел, его сморщенное лицо стало еще меньше, а узенький седой клинушек бороды смешно задергался.

— Это за что же?—суровая, спросил он и, как будто ему стало жарко, распахнул стеганую ватную кацавейку.

Торопясь и рыдая, Клавдия рассказала отцу, что произошло.

Нахлобучив глубже шапку, отец зашагал в гимназию. Клавдия еле поспевала за ним. Вошли во двор, по длинному коридору прошли в кабинет.

— Ваше высокоблагородие! Дочь, мою Клавку, выгнали—ведь неученая будет,—сказал отец инспектору и заморгал выцветшими глазами.

— Твоя дочь бунтовщица. Ее в тюрьму посадить нужно.

Отец поклонился:

— Смилуйтесь, ваше высокоблагородие, семь человек детей... Хоть младшенькую выучить хо-

тел... В люди вывести.... Ваше высокоблагородие... не погубите...

Инспектор, заложив руку за борт сюртука, шагнул по комнате. Полное, гладко выбритое лицо его багровело. Он вдруг остановился и закричал на отца, затопал ногами.

— Под суд отдам... в Сибирь!!...

Отец попятился, бормоча:

— Припадочная она... Ваше высоко... припадочная... Смилуйтесь... Бумалка есть дома.

— Припадочная, — нараспев протянул инспектор. Он перестал ругаться, задумался. Вообще вся эта история сулила одни неприятности. Среди учениц идут разговоры. В думе, наверняка, кто-нибудь из мещан сделает запрос, а тут оказывается еще и припадочная.

— Вон за справкой! — крикнул инспектор и тяжело опустился в кресло.

У молодого врача либерала отец с Клавдией выпросили справку: «Клавдия Сухарева действительно больна неврастением, и с ней бывают припадки». Это спасло Клавдию. Она снова была принята в гимназию и сумела ее закончить.

Осенью 1915 года молоденькая учительница приехала в село. Сторожиха долго возилась с большим проржавленным замком, гремела накладкой, наконец, распахнула со скрипом дверь.

Длинная, узкая комната с земляным полом, четыре исковерканных парты. В переднем углу темная облупившаяся икона с позеленевшей мед-

ной лампадой, засиженный мухами портрет царя. В правой стене узенькая дверь в крохотную комнату учителя. Клавдия Ивановна зябко повела плечами. От всего веяло запустением, дикостью, темнотой. Стало страшно.

— А к батюшке, к отцу Памсию, ты ходила? — спросила сторожиха и строго посмотрела на учительницу.

— Зачем?

— Первое дело, как учитель приезжает, к нему, без благословения ихнего невозможно.

В это время в класс вошел сам поп. Быстрым взглядом окинул учительницу, узкие глазки почти совсем закрылись.

— Знаю, знаю... непокорница. В учителя своего чернышницей бросила. Все сие есть суета и гордыня твоя... Знаю... скажешь — припадок. Бог, он за грехи карает. А чтоб здесь никаких припадков... Ну, что стоишь, аки древо?.. Иди благословлю...

Клавдия Ивановна совсем растерялась.

— С черадением под благословение подходишь, — укорил ее поп и покачал головой.

— Детей будешь учить... Учи письму, чтению, а прежде всего — повиновению и послушанию. Да и сама повинуйся — не выдумывай, а то...

Поп сурово сдвинул седые брови и сказал:

— От господа и слуг его ничего не укроешь — все ведать буду.

Потянулись однообразные дни.

На рассвете, с шумом и гамом, врывалась в школу детвора. В классе было холодно, и дети, чтобы согреться, затевали возню.

Начинался урок. Более ста человек были затиснуты в одну комнату.

Со всеми тремя классами занятия шли одновременно, а тишина нарушалась только голосом учительницы да изредка кашлем ребят.

Поп приходил каждый день. Высокая, худая фигура его, как чучело, торчала посреди класса. Размахивая руками, он «вдалбливал» необходимость любви к богу и страх перед ним, обязательность повиновения начальникам.

С трудом сдерживалась Клавдия Ивановна, а поп, словно издеваясь, сидел часами на ее уроках. И все же Клавдия Ивановна находила время и рассказывала ребятам то немного, что сама знала о несправедливости в этом мире.

На жизненном пути Клавдия Ивановна встрети-лась с учителем, большевиком-подпольщиком, Яковом Петровым. Дальше они пошли вместе, как муж с женой. Вместе работали в школе — пытались внести новое.

Однажды для того, чтобы дети лучше усвоили тему, они вылепили из глины фигуры людей, животных, птиц.

Поп обвинил Петровых в безбожии, в идолопоклонстве, настроил донос, и вскоре Яков Петров

предстал перед волостным судом. Как он ни доказывал свою невинность, все же его прогнали с работы.

Жили вдвоем на скудное учительское жалование. А жизнь становилась все труднее, дороже, тревожнее.

В село возвращались из окопов фронтовики. Они рассказывали о братаниях на фронте, говорили, что скоро все переменится...

Муж уехал в Бугуруслан.

— Клава, понимаешь, не время мне сейчас в селе жить. Большие дела начинаются, — сказал он на прощанье.

А вскоре село загудело: царя свергли. Нету больше царя...

Клавдия Ивановна поспешила в город.

Петров был уже комиссаром в одном из партизанских отрядов.

Но вот со стороны Самары надвинулись чехи, они ворвались в Бугуруслан, начались грабежи и погромы. Бугурусланские дворяне и купцы доносили на большевиков.

Темными ночами шарили чешские патрули по домам, разыскивая большевиков, арестовывали, сажали в тюрьму, расстреливали.

Был схвачен и приговорен к расстрелу Петров.

Одна, с маленьким ребенком, осталась Клавдия Ивановна во вражьем гнезде. С работы прогнали — жена большевика.

Хозяева квартиры, купцы, выгнали из дому.

Кое-как приютилась у знакомых, бедствовала, голодала, но не падала духом. Обивала пороги чешских штабов с просьбами об освобождении мужа, о помиловании его.

— Собаке — собачья смерть, — однажды сказал ей белогвардейский полковник и показал рукой на дверь.

Вместе с женами других осужденных Петрова передала мужу в тюрьму записку о смертном приговоре.

Записку вложили в маленький пузырек и опустили в кувшин с молоком. Долго упрашивали чеха караульного, чтобы согласился передать. Вскоре арестованным большевикам удалось бежать, они рассеялись по уезду, скрываясь от белочехов. Пришлось бежать и прятаться и Клавдии Ивановне.

Несколько недель она переходила от знакомых к знакомым. День проживет у одних, переночует у других. Пару дней прожила в селе, где учительствовала, а на третий пришел соседский паренек и сказал: — Уезжайте скорее, поп за чехами в город послал. И в ненастный октябрьский день, под проливным дождем, бежала Клавдия Ивановна из села. На руках ее, завернутый в одеяльце, пылал в жару больной ребенок.

— Куда? Куда бежать?

За околицей ее нагнала телега. Знакомый крестьянин отвез к своему брату в соседнее село, и там она прожила до прихода красноармейских от-

рядов. Затем снова стала работать в школе. В напряженном труде летели дни.

Несмотря на вести о приближении колчаковских войск, во всех школах шли занятия.

Но вот вечером пришел муж. Он был хмур и мрачен. Клавдия Ивановна сидела с больным ребенком на руках.

— Клава, завтра уходим из города, колчаковцы близко, — сказал он.

И решила тогда Клавдия Ивановна уехать вместе с отрядом.

Над городом уже вспыхивали пушистые комочки шрапнельных разрывов, конная разведка колчаковцев рыскала по берегу реки Кинеля, отыскивая переправы.

Протяжно гудел на станции маленький паровоз. Под огнем колчаковцев грузились бойцы в эшелоны, с тоненьким визгом пули прошивали деревянные стенки вагонов. Рядом с Клавдией Ивановной упал боец, зажимая рукой шею, из которой алым потоком растекалась кровь. Клавдия Ивановна сорвала с головы красную косынку и сделала ему перевязку.

Она вспомнила о своем сынишке, оставшемся в Бугуруслане. «Если найдут колчаковцы...», и нежно погладила голову раненого.

Поезд мчался в Сызрань, длинный хвост бурого дыма расстилался над грязными проталинами, местами еще лежал снег. С криком кружились над полями вороны. Из вагонов неслась веселая песня бойцов...

В Сызрани Клавдия Ивановна работала в культ-просвете дивизии. Читала лекции, учила грамоте новое пополнение, дежурила в лазарете, ухаживала за тифозными, работала в канцелярии политотдела. Все свои силы, все время отдавала без остатка общему делу — делу пролетарской революции. Рядом был фронт. Иногда в город доносилась глухая оружейная канонада. По улицам тянулись колонны пленных, шли войска.

Однажды в штадив привели пленного попа. На правом боку его, поверх черной рясы, еще болталась пустая деревянная маузеровская кобура. Он шел, размахивая руками. В такт шагам на груди раскачивался большой серебряный крест.

— Так, батя, — значит в одной руке крест, а в другой револьвер? — сказал кто-то из бойцов.

— Бог убивать помогает? — спросил другой.

— После каждого выстрела вспоминаешь заповедь «не убий»? — добавил третий.

Поп оглянулся, сжался, прикидываясь несчастеньким, заскулил:

— Это господа офицеры подшутили над священнослужителем — сие оружие на меня грешного навешали, а я стрелять неспособен.

Клавдия Ивановна узнала попа. Это он заставлял целовать крест, он торчал на уроках, он написал донос на мужа.

Она взглянула в лицо попу.

Маленькие глазки спрятались под багровые веки, длинные пальцы судорожно сжались в кулаки. Поп отвернулся. А затем, сбрасывая личину смирения, выпрямился и заорал:

— Филистимляне окающиеся, за бога и умереть не страшно! Будьте прокляты!

Его увели на допрос...

* *

Дивизия вела борьбу с бандами в районе Пятигорска. Клавдию Ивановну послали в Ростов-на-Дону за учебными пособиями. Выполнив задание, она возвращалась обратно.

Поезд медленно вползал на подъем. По сторонам вздымались крутые, почти отвесные скалы, заросшие частым кустарником.

Неожиданно паровоз остановился, со всех сторон захлопали выстрелы, короткую очередь отстукал пулемет. Командиры и красноармейцы, находившиеся в вагоне, бросились к окнам и открыли огонь по бандитам.

Вот упал один из защитников вагона; схватившись за грудь, опустился на скамью второй. В тамбуре слышались крики, стоны. Белогвардейцы уже карабкались по ступенькам. Рукопашный бой кипел в узком коридорчике. Клавдия Ивановна вынула маленький браунинг и приготовилась бороться до последней капли крови.

В это время под горой застрочили пулеметы

подоспевшего красного бронепоезда, и беляки отхлынули обратно в кустарник.

Так шла жизнь.

В одной из стычек с бандитами был тяжело ранен муж и вскоре умер.

С крохотной дочкой на руках Клавдия Ивановна вернулась в Бугуруслан. Это было в 1924 г.

В уюме партии ее встретили приветливо.

— Вот, товарищ Петрова, до сих пор в нашем уезде нет ни одного детского сада, твоя обязанность — организовать и наладить...

Детский сад был открыт. Клавдия Ивановна старалась проникнуть к детскому сердцу, найти общий язык с малышами, понять их запросы и интересы.

Дети, возвращались домой, с восторгом и любовью отзывались о своей руководительнице.

Днем — на основной работе, вечером — на курсах дошкольного воспитания, в горсовете, в райкоме партии, в суде — общественным обвинителем.

Энергичную учительницу знал весь район

— Откуда и сила и время у ней берется? — говорили о ней.

Враги шипели за углами, пытались опорочить. Прибегали открыто к террору.

Холодным зимним вечером Клавдия Ивановна Петрова выехала в район для участия в заседании выездной сессии суда. Судили кулаков-бандитов. Со страстью раскрывала она их преступления.

ния в своей обвинительной речи. Фактами изобличала врагов.

Окончился суд поздно ночью. Из здания выходили гурьбой. Морозный ветер дул в лицо. Она подняла воротник и осторожно стала спускаться со скользкого бугорчатого крыльца. В это время ее окликнули:

— Эй, прокурор!

Она оглянулась; что-то жидкое хлынуло на воротник, на шерстяной платок, жгучие брызги попали на шею.

Она ахнула и быстрым движением сорвала с головы дымящуюся шаль и почувствовала, как саднит обожженная шея.

А люди стекали один за другим с крыльца, и нельзя было узнать, кто облил ее серной кислотой.

— Видно не меньше поллитра вылили, — сказал милиционер.

— А если бы это попало в лицо? — подумала Клавдия Ивановна и вздрогнула.

* * *

На склоне высотки стоит обыкновенный серый бревенчатый дом. Красная железная крыша слегка запесена снегом; синеватый дымок стынет над трубами, нехотя поднимается вверх и тает.

На крыльце мой спутник старательно счищает веничком снег с валенок и, словно извиняясь, говорит:

— Чистота у них, знаете, удивительная.

Затем он осторожно звонит.

В раскрытую дверь вырываются приглушенные звуки музыки, детские звонкие голоса.

— Проходите! Проходите! — говорит заведующая учебной частью Клавдия Ивановна Петрова.

Мы входим в раздевалку.

Приносят белые халаты, белые шапочки — таков здесь порядок. Без халата в помещение входить нельзя.

Мы идем по сверкающему чистотой коридору, со стен которого смотрят портреты вождей.

Со всех сторон несется детский смех, песни. Щебет, как в птичнике.

В палатах такая же чистота, как и в коридоре. Ровные ряды кроватей, и на них лежат ребята. Это дети — больные туберкулезом костей. Они вновь обретают здесь радость жизни.

Ребята здесь учатся в школе, готовят уроки, рисуют, лепят, вышивают, читают книги, поют.

Мы на уроке естествознания. На кроватях семеро детей в возрасте 12 — 13 лет.

Переносная доска у стены, мел, чучела зверей.

Учительница рассказывает про ежа, его привычки, чем он питается, какую пользу приносит.

С постели на постель ребята передают живого ежика.

Есть у ребят и живой уж. Он сонно лежит, по-

смотря на изрядка маленькими блестящими глазами.

В аквариуме, среди водорослей, плавают караси.

В коридоре, в шкафу и на столах, целая коллекция птичьих чучел. Здесь и воробей, и голубь, и синица, и коршун, и ястреб.

Кружок юных натуралистов собрал более 100 различных экспонатов из животного и растительного мира.

Может показаться странным, как больные ребята, лишенные возможности ходить, участвуют в работе кружка юных натуралистов.

В этом им на помощь пришли пионеры из детского дома № 2. Они взяли шефство над костiotуберкулезным санаторием.

Во время экскурсий пионеры разыскивали птиц, животных, птичьи яйца, насекомых, ловили бабочек, и каждый свою находку нес к больным ребятам.

Это были очень интересные и радостные встречи.

Пионеры поймали большого рогатого, как олень, черного блестящего жука. Целое звено вместе с пионервожатым пришло к своим подшефным.

Завязалась маленькая беседа:

— Как называется?

— Где пойман?

— При каких обстоятельствах?

Затем у ребят появился ежик, его также послали по всем комнатам. Вася Желтов, увидев его,

сказал серьезно: — Полезное животное — мышей ловит лучше кошки. — Кое-кто ему не поверил и разгорелся спор о привычках ежа.

Ни одно событие в жизни нашей страны не проходит мимо санатория.

Ребята узнали, что тт. Гризодубова, Осипенко, Раскова на самолете «Родина» полетели из Москвы к дальневосточным границам. В этот день дети не давали покоя руководителям. Клавдии Ивановне спешно пришлось доставать литературу об авиации, потому что везде только и было разговора, что о летчиках, самолетах, моторах.

А вскоре стало известно, героические летчицы к месту посадки не долетели и сейчас неизвестно где находятся.

В этот день напрасно учительница музыки играла на пианино, никто не пел. Беспокойство овладело всеми. Только самые маленькие ничего не знали. Они попрежнему слушали рассказы руководителей, строили из кубиков пирамидки, забавлялись погремушками.

— Что же теперь будем делать? — спросил Витя Монаев. Все промолчали.

— Скорей бы вырасти большой. Я обязательно стану летчицей и тогда полечу искать их, — воскликнула вдруг Лида Фролова.

— Глупая. Ведь это же очень долго, а здесь скоро, скоро надо, — рассердился Вася Желтов.

— Они, наверно, в тайге где-нибудь сидят. Кру-

гом лес, медведи... А может быть был туман, и они попали к японцам?

— Нет уж пусть лучше в тайге с медведями, чем к японцам...

Ребята согласились. Каждое сообщение о летчицах ребята вырезали из газет. У многих под подушками лежали или были приклеены на тумбочках портреты Расковой, Гризодубовой, Осипенко.

А в день, когда узнали, что все летчицы найдены и что Марина Раскова вернулась к самолету, дети пели авиационный марш. Затем стали коллективно лепить из пластилина «Возвращение Марины Расковой к самолету».

Вокруг болота густой, густой лес, на полянке самолет распластал свои крылья. Маленькие человеческие фигурки стоят на них и машут руками. Из леса медленно идет Марина. В фигуре славного штурмана юный скульптор сумел выразить ее усталость и в то же время непреклонную волю.

В дни боев у озера Хасан ребята просили рассказать о Красной Армии. Интерес к событиям они выразили в рисунках и скульптуре.

Вася Желтов вылез из танка, взбирающийся на высоту Заозерную. Под гусеницами — несколько раздавленных японцев, другие в ужасе спасаются бегством.

— У меня есть дядя знакомый — он танкист и наверно сейчас бьет японцев, — сказал задумчиво Витя Журавлев. — Но я хочу быть пулемет-

чиком, вот таким. Он показал рисунок: из небольшого окопа высунулся пулеметный ствол, вспыхивают языки пламени сверкают на его конце. Вокруг навалены убитые самураи. На высоте «Заозерной», простреленное в нескольких местах, гордо реет красное знамя.

Клавдия Ивановна умело направляет творческую инициативу детей.

В литературном кружке обсуждаются прочитанные книги. Лучшие сочинения учащихся публикуются в стенных газетах.

Самые разносторонние и разнообразные способности открываются у питомцев санатория. У Лиды Фроловой неплохой голос. Прекрасно декламирует Витя Монаев.

Более тридцати ребят излечил санаторий за два года своего существования. Тридцать человеческих жизней, тридцать будущих активных строителей коммунизма сохранены для страны!

Особым чувством проникнута любимая песня ребят. Ее поют ежедневно во всех комнатах, она стала гимном санатория. Это песня о Сталине:

«Споемте, товарищи, песню,
О самом большом человеке,
О самом родном и любимом,
О Сталине песню споем».

Вместе с ребятами поет учительница, скромный труженик, чуткий товарищ, отзывчивый друг Клавдия Ивановна Петрова.

СЕМЬЯ

Есть люди, которые сейчас ведут совсем маленькую, незаметную работу, но они сражались за Советы в годы гражданской войны, завоевывали счастье своим детям, всему советскому народу. К числу их принадлежит сторож горкома ВКП(б) Василий Иванович Колибедин.

С 1918 г. воевал он на разных фронтах и сумел вырастить славную семью советских интеллигентов.

Новогодний вечер. В гости к отцу съехались сыновья и дочери.

За столом собралась вся семья. Электрический свет искрится в рюмках, наполненных вином, белая скатерть сплошь уставлена угощениями.

Розовая нежная ветчина лежит аппетитной горкой, сардины; ломтики копченой колбасы рассыпались на тарелке; сыр, нарезанный тонкими пластинками, кажется кружевным. Посредине стола дымится жареный гусь...

Время близится к полночи. Минутная стрелка завершает последнюю четверть последнего часа в 1938 году.

— Выпьем, детки мои, за радость нашу, за на-

ше счастье, — говорит отец и встает, поднимая рюмку. — Выпьем за все, что завоевано нами.

Поблекшие глаза его любовно и пытливо всматриваются в детей.

Справа в форменной гимнастерке с знаками сержанта НКВД сидит Валерий. На отца он смотрит с восхищением и поднимает рюмку, чтобы чокнуться первым.

Молодая полная девушка в черном креплешеновом платье прижимается к отцу слева. Это его любимица, самая младшая, Надя. Она акушерка. Отец ласково кладет руку на ее пышные волосы.

Напротив сидит старшая дочь, Мария, со своим мужем, политруком РККА. Она работает в штабе машинисткой.

Синий костюм, голубые петлицы очень к лицу Александру. При взгляде на него старик вспоминает все радости и невзгоды, которыми сын делился в письмах.

— Он у меня молодец... Сашка... пять премий получил, а сколько благодарностей, так и не вспомнить. Авиамеханик! Это мой сын-то, и авиамеханик. — Старику особенно приятно произносить это слово. Оно немножко таинственное и в то же время очень близкое, родное.

Дочь Александра приехала из Туркестана, где она заведует магазином.

Из черного зова репродуктора доносится далекий голос родной Москвы. Он кажется совсем рядом. В этот миг страна поднимает бокалы за

светлую жизнь, за прекрасное будущее. Теплые слова поздравлений разносит эфир по ее необъятным просторам.

— С новым годом, товарищи!

И над столом звенят рюмки. Несколько мгновений слышен только стук ножей, вилок да короткие обрывки разговора:

— На ремонт мотора 8 часов, а мы потратили в три раза меньше.

— Сколько детей у нас в селе рождается, ну прямо диву даешься, ни одной ночи не поспишь спокойно.

— Мы их и задержали... Так небольшая стрельба была.

— А моторы-то какие! Ох, если бы вы знали...

Отец вслушивается в довольные голоса детей, и нестерпимо хочется напомнить им о тяжелом, проклятом прошлом, о горячих боевых днях гражданской войны.

— Сыны мои и дочки, живете вы в радости, без забот и забываете понемногу прошлую жизнь.

Разговор за столом смолкает.

— Вспоминать о прожитом нужно... Учиться на нем,— снова говорит отец, и глаза его смотрят куда-то поверх лиц.

— Дедушка ваш, батя мой, у помещика крепостным был. Полюбил он красивую девушку на свою беду. Приглянулась она помещику. Отец жениться на ней хотел, а помещик потешиться. Не пришлось отцу с любимой жить, угнал его барин за неподчинение в солдаты.

А служба солдатская тяжелой была в те времена, и длинная. Двадцать три года офицеры измывались над дедушкой вашим. И пришел он со службы, ничего не заслужив, кроме «грыжи».

За столом тихо. Все слушают, зажав дыхание.

И встает перед глазами — длинный плац возле низкого казарменного здания, дробь барабанов, завывание сигнального рожка, затянутые в мундиры марширующие люди: — раз, два, раз, два.

И незнакомый, неведомый родоначальник семьи становится ближе, роднее. Кажется всем, что, доживи он до наших дней, радовался бы жизни своих внуков.

— Так вот и жил ваш дедушка. После службы женился, да вскоре и помер, а затем и мать моя в могилу ушла. Остался я сиротой. Теперь и без родителей не страшно остаться. Государство ребят воспитывает. А тогда бездомный ребенок — все равно что щенок был.

Бил меня дядя, кожу в лоскутья плетью порвал; бил меня пастух, у которого подпаском был. Насилу мужики отняли полуживого. Да кто только не бил... Каждому хотелось свою обиду, свою горе на ком-нибудь выместить.

Взял меня к себе в дети фуражечник бутурусланский, пьяница был и жулик, а жена его еще того хлеще. Мучили здорово, и не стерпел я той муки. Думаю, куда угодно уйти — не видеть бы, не слышать бы, не быть каждый день битым. И

решил я, детки, на фронт уйти, на Дальний Восток. А в то время с японцами война была.

Собрал я одежонку, рубль денег и подался пешком в ту сторону, откуда солнце всходит — думал пешком дойти до фронта...

Шел я день целый — ноги сбил в кровь, умирался, а все думаю: дойду, дойду!

Было мне тогда 15 годков.

Из сил выбился, и темнеть стало, когда к переезду пришел, у переезда домик маленький, и стрелочник живет в нем.

— Куда сынок путь держишь? — спросил он меня.

— На войну, — отвечаю, — на Восток на Дальний.

— Пеший?

— Пеший, — говорю.

— Три года идти будешь, не дойдешь, — говорит стрелочник. — Да и что тебе, сынок, там делать? Вроде как и нечего.

Рассказал я ему про свою жизнь тяжелую и говорю: — Лучше пусть уж на фронте убьют, чем так мучиться.

— Верно, — говорит, — жизнь твоя не легкая, а на фронте будет еще хуже. Умирать за царя не стоит. Попробуй на работу устроиться...

Отговорил он меня, одним словом. А на работу поступить не пришлось — документов не было.

Вернулся я тогда в Бугуруслан, и жизнь моя снова пошла, как прежде. Изю дня в день рабо-

тал, спал мало, ел того меньше. Вытянулся длинный и тощий.

Скоро женился (было мне тогда неполных 18 лет).

А через недолгое время забрали на службу царскую, в солдаты.

Вот уж тогда я дедушку вспомнил. Три года мы служили, из сил выбились, а он ведь — двадцать три.

Перед самой войной отпустили нас по домам, но не прожил я с вами и трех месяцев — война.

Ночью пришли полицейские: — Собирайся! Война объявлена. Будешь сражаться за веру, царя и отечество!

А на кой ляд, думаю, мне этот царь, вера и отечество, когда вы у меня все голодные, босые. Но делать нечего. Попал я на фронт рядовым канониром.

Думал ноги до коленок сотру — все походы, да марши. То отступление, то наступление, одним словом, истощал я, измучился и заболел. После болезни вернулся в батарею уже санитаром, слабосилен для канониров стал.

Много раз смерть грозила мне от немецкой пули или снаряда, но живой остался.

Помню был такой случай.

Сбили нас с позиции, стрельба кругом, мимо бегут пехотинцы.

— Передки! — закричал поручик.

На полном карьере подкатили передки, под-

Хватили орудия, и батарея выкатилась на шоссе.

А немец кроет! Снаряды рвутся по обе стороны дороги, выбивают щебенку на шоссе.

Один снаряд врезался в упряжку зарядного ящика. Единственный он у нас остался с снарядами. Поубивал лошадей, гранаты по дороге рассыпались. Издовой, раскинув руки, упал под конские копыта, остановиться нельзя — пристрелялись немцы... Скакали мы без передышки верст пять, а батарейный командир вперед всех умчался — трус был.

Перевалили через гору — стоим. Приказ получен — прикрыть огнем отход своей пехоты. А чем? Снарядов штуки по 3 на орудие, а остальные остались на шоссе.

Вот командир батареи вышел с наблюдательного пункта к солдатам.

— Орлы, — говорит, — герои, кто хочет добровольно ящик зарядный выручить?

Все стоят молча, переглядываются. Никому не охота умирать.

Еще раз поручик спрашивает:

— Ну, кто из вас отличиться хочет?

Опять никто не соглашается.

А я стою и думаю, дети у меня... Убьют, сиротами останутся — царь не поможет.

И в то же время перед глазами — наша пехота. Такие же рабочие и крестьяне, и у них детишки есть, жены, наверно, девушки любимые.

Артиллерия не подможет — погибнут..., обойдут немцы, переколют штыками.

И не то, чтобы геройство какое во мне разыгралось, нет. Людей жаль стало. Шагнул из строя, говорю:

— Я, Колибедин, желаю!

— Молодец, папка, — одобрительно шепчет Валерий.

Офицер удивился: — Ты? Санитар? Ну, впрочем с богом.

Смотрю, еще один парень вызвался. Вскочили мы на коней, стегнули их и помчались по шоссе.

Бегут навстречу пехотинцы по одному, проскакало казаков несколько, кричат нам: — Сумасшедшие, куда прете, немец обходит.

На дороге снаряды рвутся, шинель мне пробило осколками. Ну, одним словом, добрались кое-как до зарядного ящика, пособирали рассыпанные снаряды, запрягли ящик и — обратно.

На самой горе лошадь подо мной убило осколком, да тут уж близко было, солдаты на руках ящик втащили. Начала стрелять наша батарея.

За это дело батарейный офицер георгиевский крест получил и денежную награду.

— А ты, папа? — спрашивает Надя и трется ласково головой об отцовскую грудь.

— Я, конечно, ничего не получил. Да и не нужна мне была царская награда.

— Это верно, отец, — соглашается Александр.

— На солдатской спине к награде офицеры ехали, — добавил Валерий.

Отец щурится и, улыбаясь, продолжает:

— Не долго они ехали. Скоро мы их скинули к лешему. В февральскую революцию поскидали с них погоны, кое-кого шлепнули. Сами хозяйничать стали, а после Октябрьской революции по домам разошлись.

Опять мне с вами, детки, долго жить не пришлось. Да это вы уж, пожалуй, помните? Пришли в Бугуруслан чехи.

— Помню, — говорит Мария. — Тогда у нас еще обыски были.

— Ну, так пришли чехи и начали грабить, расстреливали рабочих в оврате (там сейчас детский костно-туберкулезный диспансер), расстреливали еще на берегу реки Кинеля (там сейчас вышки нефтяные)... Зверствовали чехи, чуяли свою близкую гибель. И верно, вскоре дошел слух, что наступают на Бугуруслан красноармейские части.

А через несколько дней загревели за Кинелем орудия, весь день пальба продолжалась и всю ночь. Этой же ночью испортил я телефонную проволоку. Саженой шестьдесят вырезал и закопал в землю. Искали, искали, грозились всех расстрелять, но ничего не нашли, а утром 25 октября 1918 года в Бугуруслан вошли отряды Красной Армии.

Вижу, шельзя болтаться между берегов, не время отдыхать, надобно бороться за свою родную

власть. Пришел в уездный комитет партии... Так и так, говорю, желаю бить буржуев до конца, одним словом, зачислите в Красную Армию.

— Молодец, папа! — восклицает Валерий.

Несколько мгновений отец сидит молча, вспоминает. Перед глазами отчетливо, словно это было вчера, проходят огненные дни гражданской войны: бой с колчаковцами под Бугурусланом, сражение у Кинеля, Уфа, Златоуст, Екатеринбург, Новониколаевск.

— Был я командиром комендантского взвода, пошел проверять посты. Обошел деревню, вышел на огороды, шагаю тихонько к лесу, там у меня в секрете два бойца лежали. Только я подошел к коноплянику, как оттуда мне крикнули:

— Стой, руки вверх!

Я—руки вверх, а в руке граната. Поднял руки над головой. Ко мне из конопли идут трое, тогда им под ноги гранату и бросил, а сам скорее на землю упал. Грохнуло... Осколки завизжали. Смотрю — один убитый, а два тяжело раненые. Прибежали хлопцы из секрета, отвели в штаб. Оказались дутовскими разведчиками.

И еще было... да всего не перескажешь. Боев этих, сражений, походов и не счесть. Тифом болел, при смерти был. И банды громил под Бугурусланом.... Да что говорить, и горе было и радости много.

В 1918 году в члены РКП(б) вступил, пуще глаза берег партийный билет, положил у сердца его, если пробьет. пуля билет, пусть уже тогда

пробивает и сердце... Через всю войну пронес его на своей груди, и сейчас берегу партийный билет больше жизни.

И вы, сыны и доченьки, мои, любите партию так, как я люблю.

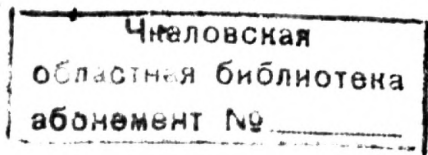
— Эх, ребята,—закончил старик,—только сейчас и жизнь-то настала. — И слеза скользнула по щеке.

Тогда встал из-за стола Александр.

— Папа! Не застал я очень плохой жизни, не знал я ее, не буду знать, и внуки твои не узнают, — сказал он торжественно.

Поднялись все. Отец встал, высоко поднял над головой рюмку и молодо крикнул:

— За того, кто дал нам счастливую, радостную жизнь, за Сталина!

СПИСОК

литературы и архивных материалов, использованных при составлении книги

1. Сборник статей «В крепостную эпоху на Средней Волге», Средневолокское издательство, 1934 г.
  2. Рукописные журналы заседаний Бутурус-ланской городской думы за 1871—1917 годы (Бутурус-ланский районный архив).
  3. Отчет бутурус-ланского земства за 1915 год.
  4. Летописи церковей сел Исаклы и Ибряйкино.
  5. Кругликов «Список населенных мест Самарской губернии», изд. 1893 г.
  6. Архивные документы Бутурус-ланского ревкома.
  7. Тальнов «Краткие очерки первых четырех лет пролетарской революции в Бутурус-ланском округе». Бутурус-лан, 1929 г.
  8. Рычков «Топография Оренбургской губернии».
  9. Семенов-Тянь-шаньский «Россия».
  10. Три года работы отделов Бутурус-ланского УИКА.
  11. Комплект газеты «Луч коммуны» за 1920 г.
  12. Газеты «Колхозная правда», «Бутурус-ланская правда», «Чкаловская Коммуна».
  13. Протоколы партийной организации РСДРП(б) г. Бутурус-лана за 1917 год.
  14. Ф. Огородников «Удар по Колчаку».
  15. Акад. Губкин. Статья в «Правде» от 30-XI 1938 г.
  16. Дело о пожаре 1822 г. (Чкаловский обл. архив).
  17. Дело по рапорту Оренбургского гражданского губернатора о крестьянах помещика Дура-сова (Чкаловский обл. архив).
  18. Свод Законов Российской империи.
-